Алиса Граймова

В гостях хорошо, а дома не хуже

18+

Алиса Граймова

В гостях хорошо, а дома не хуже

«Автор»
2026

Граймова А.

В гостях хорошо, а дома не хуже / А. Граймова — «Автор», 2026

Я уехал из дома в 17 лет. Сначала был Китай - лёгкий, шумный, с друзьями и свободой. Потом - Турция. Пять лет, которые я не хотел проживать, но прожил. Эти записки не о путешествиях, а про то, как с ума не сойти. Про то, как я молился на стадионе и кем в итоге стал.

© Граймова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
Часть 1: Центр мира 6
Подготовка 6
Шесть часов, полёт ненормальный 9
Добро пожаловать в Яньчэн, только мыло готовьте 13
Вечер трёх Кать 15
Первый контакт с учителями 19
Первый раз в ночной клуб 20
О пьянстве 21
Первый учебный день 22
Про то как мы учились 23
Про китайские имена 24
Как Динь Вэй Хэллоуин отмечал 25
Как Динь Вэй паспорт получал 26
Как мы Динь Вэя на занятия поднимали 27
С кем я целовался и конец первых отношений 29
Как мы Стрелка выгоняли 30
История про кровать 32
Первые каникулы 35
Как мы с Рыжим Динь Вэя нянчили 36
Таджики найдут всё 39
О Джинне 41
Перемены в стране 43
О велосипедах 44
Как мы сдавали экзамен 45
Долгая дорога домой 46
Мои вторые первые каникулы 50
И снова здравствуйте! 51
Моя первая профессия 52
Сбил тебя наш лётчик Ли Си Цын 53
Про особенности речи Индейца и про Шайтанов 54
О дедовщине 56
Конец ознакомительного фрагмента. 58

В гостях хорошо, а дома не хуже

Предисловие

Некоторые говорят, что армия – это школа жизни. В армии я не служил, но тоже считаю, что прошел свою школу. Я получал образование в двух заграничных странах, которые были не похожи ни друг на друга, ни на дом родной. Вместо дембеля у меня был диплом, вместо сослуживцев – вороны.

Я не писатель, а просто парень, который иногда жил в состоянии: «Ещё немного – и я точно сойду с ума». А когда долго варишься в собственном соку, начинаешь либо пить, либо записывать. Я пробовал и первое, и пришёл ко второму.

Это записки о том, как я взрослел. О молодости, которая, наверно, вышла немного нетипичной в сравнении с моими сверстниками из дома. О трудностях и радостях на этом пути.

Повествование вдохновлено реальными событиями. Многие истории приукрашены для большего комедийного или драматического эффекта. Имена в тексте изменены.

Часть 1: Центр мира

Подготовка

1

– Ты реально в Китай собрался? – поинтересовался Джонни, затягиваясь сигаретой.

Джонни не американец, а таджик из моего класса. Джонни он, потому что его имя, как и у многих таджиков, заканчивается на «жон».

Мама первое время просила держать это в тайне, но сама рассказала матери другого нашего друга.

– Да, – ответил я.

Это был солнечный осенний денёк. Мы стояли в одном из кустанайских дворов, неподалёку от нашей школы. Джонни и Ламар в тот момент уже начали курить, я же ещё не примкнул в стан курильщиков и просто стоял рядом с ними. Мне очень нравилось после школы остановиться с ними во дворе и гонять разговоры. Вообще до одиннадцатого класса я с Джонни и Ламаром не особо много общался.

В тот год я ходил к трём репетиторам: математика, английский и китайский. Если с двумя первыми всё понятно, то китайский я учил, чтобы в первое время было попроще. Учила меня дочь папиного коллеги – она в своё время тоже там училась. И действительно, по приезду в Китай я мог хотя бы сходить в магазин.

Одиннадцатый класс я по школе ходил как ненужный ребёнок. Учителя не обращали на меня никакого внимания, так как тест я всё равно не сдаю, так что зачем распылять силы? Дошло даже до того, что химичка спрашивала у тех, кто не сдавал химию:

– Какую оценку ты хочешь?

– Конечно, пятёрку хочу.

Я бы мог вообще в школу не ходить, но не всё так просто. Наша классная руководительница словно Большой брат следила за нами, и стоило опоздать на построение всего на пять минут – сразу звонила родителям, и нельзя было просто не появляться в школе. Сидеть на уроках и ничего не делать было скучно. Я тогда начал читать разное, или прогуливать внутри школы. Просто оставлял рюкзак в классе и уходил на следующие 40 минут в столовую гонять чаи, или гонять «духов» по школе, навешивая им поджопников. Учителя моего отсутствия даже не замечали и ставили в журнал оценки по принципу: «Ну, раз хорошист – четвёрки и пятёрки».

В таком темпе шли месяцы. Джонни тоже собрался ехать с нами, и мы, покуривая после школы, фантазировали на тему: «Вот уедем – и так заживём».

Я ещё с класса пятого хотел после школы уехать из страны. Грезил в первую очередь об Америке. Но моя мама, выросшая в Советском Союзе, не разделяла моей любви к той далёкой стране. Я даже в девятом классе хотел поучаствовать в программе «Flex», дававшей возможность проучиться один год в американской школе, но мама обрушилась на меня категоричным «нет».

Уже в одиннадцатом классе она как-то подошла ко мне и сказала:

– Ты же всегда хотел учиться заграницей. Может, поедешь в Китай?

Как Китай? – не понял тогда я. В моём тогдашнем представлении Китай – это то, что показывали в фильмах «Апокалипсис сегодня» и «Цельнометаллическая оболочка», и неважно, что речь там шла вообще о Вьетнаме – для меня это было всё одно. Я тогда представил бескрайние рисовые поля, на которых трудятся маленькие люди в треугольных шляпах.

– Вообще-то там всё не так, – ответила мама. – Там социализм и хорошее образование.

Ну, ладно, подумал тогда я: неважно где, но главное – не остаться здесь.

…

В конце мая 2018 года я попрощался с кадетским знаменем, постоял подвыпившим на последнем построении – и начались экзамены.

Экзамены дались очень легко. Все задачи по математике я решил вместе с репетитором ещё за неделю до экзамена. Утром, перед экзаменом, директриса повела нас в свой кабинет понятыми, якобы:

– Посмотрите, конверт запечатан, при вас вскрываем.

Она реально не знала, что все задачи слили ещё за неделю, или, как и мы, комедию ломала?

На экзамене по истории приключилась забавная история, но просто скажу, что учительница дала мне подсмотреть ответы. Другим же так не повезло, почти половина класса остались на пересдачу.

…

Про выпускной особо сказать нечего. Единственное – были споры на тему, где его проводить. Администрация школы хотела, чтобы мы отмечали в школьной столовой и потанцевали в актовом зале. За это были и ребята с параллельного класса. В принципе, за это был и я. Мне казалось, это будет необычным, тем более интересно будет взглянуть на школу в ночное время, да и в родных стенах оно спокойнее. Но в позу стали наши девочки. Им подавай рестораны, лимузины, роскошную фотосессию. С лимузином и роскошной фотосессией наши родители их опрокинули, а вот ресторан организовали. Всё прошло спокойно, весело. Фотограф действительно был на празднике, но те болванки, которые он нам отдал, я даже не смог открыть на компьютере. Единственное – встречать рассвет я ехал в полицейской машине. Нет, меня не арестовали – просто ехал в их машине и слушал забавные радиопереговоры.

Вот ещё что вспомнил. В один момент у Джонни закончились сигареты, а за пределы ресторана нас не выпускала инспектор.

– Чего в магазине хотите?

– Жвачку купить, – ответил Джонни.

Она пошла вместе с нами. К тому часу она немного подобрела и на то, что выпускники выбегают на улицу покурить, смотрела сквозь пальцы.

– Дайте «Мальборо», две капсулы, – говорит Джонни продавщице.

Продавщица удивлённо посмотрела на Джонни, потом на меня, ещё раз на Джонни и на полицейскую. Полицейская ей кивнула, и продавщица, пожав плечами, протянула ему сигареты.

Домой я вернулся под утро. На набережной мы убежали от классной руководительницы, которая гнала нас по домам – хотелось ещё погулять. Мы перебежали за мост, пофотографировались, выпили вина, поболтали и выдвинулись к центру. Из нашей компашки только двоим было восемнадцать, а до шести часов утра в нашей стране несовершеннолетним находиться запрещено. Мы даже убегали от патруля, но патруль нами вообще не был заинтересован – они просто остались стоять на месте. Наверно подумали: «Чего эти сумасшедшие по улицам бегают?» Гулять по опустевшему городу было очень необычно – можно было не ждать зелёный сигнал светофора, на улицах, по которым я ходил девять лет, было ни души. Посидели мы у незадолго открывшегося в нашем городе «Макдональдса», который после двадцать второго года ушёл из нашей страны, и теперь это место называется «Мен Юлиямын» («Я Юлия»), и выдвинулись в сторону парка Победы прямо по проезжей части.

2

Первого сентября я был ещё дома, и мы с Ламаром сходили в нашу школу на линейку. Директриса с гордостью сообщила, что трое выпускников поступили в вузы Китая. Но это был не вуз, а институт – позже объясню, в чём прикол. Потом и наша классная руководительница

похвасталась нами перед новым поколением. Мы новоприбывшим «запахам», точнее пятиклассникам, сказали слова напутствия и уехали кататься на чёрной «четырке», попутно врубив музыку на полную.

…

Вылет был запланирован на 10 октября 2018 года. На проводы пришёл мой друг – он оставался в родном городе. Мама плакала, из-за чего я на вокзале чуть сам не расплакался. Всё равно было грустно уезжать.

– Да что ты плачешь? Он же не в армию уезжает, а на учёбу, – успокаивала тётя.

В Алма-Ате я ни с кем не планировал видеться, но папа вышел в магазин и пришёл домой вместе с моим одноклассником. Оказывается, он узнал моего папу и подошёл. К сожалению, его больше с нами нет. Снишься ты мне иногда – мы с тобой на велосипедах катаемся, куда-то идём и, как и в жизни, ведём приятные разговоры. Скучаю по тебе.

Мы с ним вышли погулять и долго стояли у одного из университетов (не помню точно какого) – там учился другой наш одноклассник. Там нас вообще было половина класса. Дождались мы одноклассника, позвонили одноклассницам и сели в каком-то кафе. Многие обожают Алма-Ату – может быть, и обоснованно, но я там был всего ничего и ничего не знаю.

Вечером позвонила бабушка, наказала хорошо учиться.

Шесть часов, полёт ненормальный

1

Прибыли мы в аэропорт. Куча людей. Среди толпы я узнал девушку со своего города, которая тоже летела на учёбу. Перекинулся с ней парой слов и стал ждать Ламара и Джонни. Тот день на самом деле я помню сумбурно. Помню, что у меня дико болел живот и я хотел в туалет.

Нам раздали паспорта – и в путь. Я обнялся с папой, попрощался и перед пересечением границы всё-таки побежал на сортир. Когда прошёл в транзитную зону, поговорил с каким-то американцем. Он у меня спрашивал различия между казахами-северянами и казахами-южанами.

Ну и тему ты нашёл, американос, да и вообще: «Музыка эта ваша американская – говно. Да и скоро всей вашей Америке кирдык».

Тогда дико боялся садиться в самолёт, потом-то я привыкну. И всегда без исключения попадается самое нелюбимое место – в середине. И в окно не посмотреть, и в туалет не сходить. Я знаю, что перед регистрацией можно попросить желаемое место, но об этом я вспоминаю уже после того, как получу посадочный талон.

Помню, что у окна сидела китаянка, и когда я смотрел в окно, она словно затылком чувствовала мой взгляд и резко оборачивалась на меня. Мне было неловко, приходилось отворачиваться. Да и объяснить ей, что я смотрю в окно, а не пялюсь на неё или её телефон, я тогда не мог. Практически целый год учил разное, но конкретно для подобной ситуации ничего не проходил.

Долго не взлетали – и опять-таки всегда самолёт, на борту которого я нахожусь, вылетает с опозданием. Всё-таки, слава Богу, взлетели. Я сходил в туалет – всё ещё болел живот. При взлёте так вообще думал, что у меня от давления кишка взорвалась и живым я не долечу. Когда возвращался на своё место, заметил, что у аварийного выхода свободно, решил сесть туда и вытянуть ноги. Рядом оказалась милая девушка с Алма-Аты – весь полёт с ней проболтал. Да и вообще первые дни на новом месте практически с ней всегда тусовался.

Пролетая над Пекином, я глянул в окно и подумал, что отступать уже некуда, надо показать этим китайцам.

2

Когда приземлились, в голове у меня играла песня «Дорога» группы «АукцЫон», да и вообще в фантазиях я был «Татарином», потому что я старший брат. Улыбнулся пограничникам, протянул им паспорт и прошёл дальше. Позже выяснилось, что на стыковочный рейс до Шанхая мы уже не успеваем. Чтобы нам помогли во всём разобраться, из Пекина приехали студенты, наши соотечественники. Они нам объяснили, что делать, куда идти дальше, когда наш самолёт и так далее.

Джонни предложил выйти покурить и осмотреться вокруг – Китай же всё-таки. Вышли на улицу, поглядели по торонам. Стоит у дороги китаец, курит сигарету. Я решил впервые испытать свой китайский на практике и, как гопник, подхожу к мужичку со словами:

– Сигареты есть? – не хватало только добавить слово на «ё».

Он на меня поглядывает коровьими глазками. Повторяю:

– Сигареты, говорю, есть?

Вижу, что не понимает. Перехожу на английский:

– Got a smoke?

Тут мужичок окончательно испугался.

Потом я ему показал жестом, мол, сигарет дай. В этот раз понял – постучал по карманам, достал пачку сигарет. Пачка была очень красивой, такой красочной. Вытягиваем мы с Джонни

по тонкой сигарете, жестом показываем: «Зажигалку бы ещё». Затягиваюсь я сигаретой – и такое дерьмо. Я сразу же вспомнил слова папы. Он меня как-то палил, что я курю, и рассказал, что в китайских сигаретах нет махорки, потому что никто не может обеспечить полуторамиллиардный народ нормальным табаком. На вкус те сигареты – вот представьте, что вы подожжёте соломинку и будете её курить.

Сморщились мы с Джонни и решили возвращаться к своим. Заходим в ту же дверь, что и вышли, – а нас не пускают. Охранники по-китайски что-то нам говорят, ничего не понимаю.

– Да вон, войти нам надо, ребята наши там стоят, – говорю я по-английски, охранники ни в какую.

Ну всё, похоже, здесь бомжевать останемся, думаю я, осматриваюсь по сторонам и вижу, как народец заходит через другую дверь.

– Сенк ю вери мач, – говорю я охранникам.

В той двери странности не закончились. Девушка-охранник в красивой чёрной форме показывает: «Стойте».

– Да что вы? Пройти нам надо. Пропустите, – пытаюсь я ей объяснить и показываю на ребят.

– Стойте тут, – отвечает она по-английски.

А я вижу в дверь, что наши ребята начали куда-то уходить.

И что делать? – думаю я. Как мы дальше в таком огромном аэропорту? Языка ещё не знаем.

Потом охранница провела по нам какой-то штукой, похожей на обычный пластырь, потом эту штуку засунула в какой-то аппарат, и когда загорелась зелёная лампочка, нас пропустили. Мы с Джонни – бегом за своими.

Позже я не раз видел эти штуки, похожие на пластыри, но я так и не понял, что это такое и для чего это нужно.

…

Авиакомпания предоставила нам билеты до Шанхая, только мы летели раздельно. Сначала первая группа, а через несколько часов вылетает вторая. Долго мы ждали самолёт – ещё непонятно было, как к интернету подключиться, родителям сообщить, что в Пекин прилетели. Летел я в первой группе, без Джонни и Ламара.

Дальше была очень забавная ситуация. Проходим мы через контроль. Часы, ремни, обувь заставили снять. Металлодетектором пару раз провели – и можешь идти. Я пока обувался, собирался, одним глазом замечаю, как охранники докопались до паренька, который шёл за мной. Динь Вэем его звали. Охранник крутит в руках свёрток, а Динь Вэй объясняет ему:

– Насвай, насвай. Табак такой жевательный.

Охранник поднёс этот свёрток к носу, принюхался и, сморщившись, вернул обратно.

Я только сейчас вспомнил: в Алма-Ате этот Динь Вэй тоже шёл за мной, и казахстанские пограничники просто над ним посмеялись.

В самолёте я, как всегда, сидел посередине. Между мной были женщина и огромный такой китаец. Когда поднялись на нужную высоту, мне захотелось в туалет, а китаец, натянув на глаза маску, заснул. Я его пару раз подёргал – ноль реакции. Я думаю: как мне пройти? Перешагнуть через него было невозможно – очень уж он был большим. Пришлось звать стюардессу и просить его разбудить. Я прошёл, малые свои дела сделал, возвращаюсь обратно – а этот китаец уже заснул. Пришлось снова звать стюардессу.

3

В Шанхае нас встретил китаец по имени Олег. Он знал русский, на/в Украине учился. Я шёл с алма-атинской девушкой, рядом с которой сидел до Пекина.

– Ой, а пошли, посмотрим, что там в магазинчике, – предлагает она.

Ну конечно я пойду – куда я денусь? Понравилась же. Тем более я тащил её чемодан. Там вообще на плечи пацанов выпало помогать девушкам, тащить их барахло. Девушки ведь практически весь свой дом с собой увозят, будто не знают, что всё можно купить в новой стране.

Купила она жвачку, конфет каких-то и с таким искренним удивлением заявляет:

– Блин, а похоже, все ушли. А как мы теперь их найдём? Куда они могли деться?

Да ладно? Как же так вышло-то? Ты ведь не ломала себе голову пять часов: «Блин, купить арбузную или мятную?»

– Что будем делать? Куда идти? Ты знаешь куда идти? – не давала она мне сосредоточиться и подумать.

Тут я вспомнил, как Олег сказал, что мы до нашего города поедем на автобусе. Значит, нужно идти на парковку и вслушиваться в русский галдёж.

– Идём, – говорю я и беру под мышку её тяжеленный чемодан и качу за собой свой.

Нашли мы какой-то лифт, а я из-за того, что начал потихоньку суетиться, всё стал делать резко. И от одного такого резкого движения я ломаю ручку на её чемодане. Девушка расстроилась, я себя чувствую козлом – так и ехали в лифте молча.

Вышел я к своим – прямо-таки «Встреча на Эльбе», так обрадовался, что не потерялся. А в автобусе галдёж. Люди что-то орут в порыве радостных эмоций. Олег тоже что-то кричит, не может всех успокоить, а ему-то тяжело – русский язык не родной ему. Тут я замечаю мужика на первом сиденье: здоровый, лысый славянин. Ещё так недобро смотрит на меня. Я думаю: ну вас нафиг, пойду на улицу, свежим воздухом подышу.

Взял у Олега сигарету и думаю: чего я себе не купил, пока с этой дурой в магазине стоял. За мной вышел Динь Вэй и давай предлагать по округе прогуляться. Я вежливо отказываюсь – и так уже два раза терялся.

– Ну ладно, – ответил он и вернулся в автобус.

Позже из автобуса вышел тот славянин. Я на него гляжу и понимаю, кого он мне напоминает. Он один в один выглядел как Александр Музычко, или Сашко Білий – украинский националист, командовавший УНА-УНСО, которые принимали участие в Первой Чеченской войне против федеральных сил.

– Эй, казах, каву будэш? – обращается он ко мне.

Да не может быть, чтобы это был Сашко Белый, думаю я – он умер в 2014-м году. Может, это его брат?

– Чего? – спрашиваю я.

– Ну, каву. Шо не знаэ шо таке?

– Нет.

– Блин, как это будэ по-русски то? – задумался он. – Точно, кофе.

– Кофе? Ну, не знаю.

– Да пошли, ваших ещё три часа ждать.

Вошли мы в аэропорт, сели в кофейне. Он сам купил мне кофе, сидим, общаемся.

– А шо русских так много приехало? – спрашивает он.

– Не знаю.

– А шо, они у вас в Казахстане-то делают?

– Живут, – отвечаю я.

– Ты там с ними не ходи. Там наших много, украинцев. С ними дружи. Хорошие ребята. Всегда помогут.

Дальше его националистический пыл приутих, и он просто травил байки, разбавляя украинскими словами, которых я половину не понимал. Но рассказывал он очень интересно. Он был из тех людей, кто сам пошутит и сам же посмеётся. Я смеялся мало – то ли не понимал, то ли сильно устал.

– Казах, – по имени он меня не звал, звал «казахом», – а у тебя, когда день рождения?

– 17 ноября, – отвечаю я.

Он так обрадовался и добавил:

– А у мэне двадцать другого листопадня.

Я сижу и думаю: зачем так делать? Ну видит же, что не понимаю. Я тогда знал, что «другого» – это значит «второго», а что такое «Листопад» – я знать не знал. Я только потом понял, что его так обрадовало. Оказывается, «Листопад» – это ноябрь, и у нас разница в днях рождений – пять дней.

На обратном пути украинец со мной попрощался, сказал, что с нами не поедет. Он сюда приезжал только чтобы с Олегом встретиться. На прощанье он мне сказал:

– Удачи, казах!

Интересно, что с ним сейчас? Где он? Как поживает?

4

В автобусе рядом со мной ехал парень – к сожалению, уже не помню, как его зовут. У меня вообще память на имена как-то не очень. Помню только то, что он был парнем очень спокойным. Ни одного плохого слова о нём сказать не могу и ни одного плохого слова о нём не слышал.

Меня поразило то, что мы ехали по автостраде несколько часов, а Шанхай так и не заканчивался. За городом в окно особо ничего не было видно – ночь. Я не заметил, как уснул, и оказывается, с лица спали очки. А этот парень их поднял и в карман мне засунул.

Проснулся я уже у ворот нашего института. Выхожу из автобуса и слышу:

– Саламалейкум, тигры. Как дэла?

Перед нами стояло несколько таджиков, и я подумал, что сейчас начнётся наша святая дедовщина. А они только улыбнулись, помогли дотащить чемоданы. Ложная тревога – а я уже и настроился, что сейчас что-то да будет.

Пока мы ждали распределения, к Джонни подошли таджики.

– Ти таджик? – спросил один из них.

– Да, – ответил Джонни.

И они начали что-то обсуждать на своём языке. Как выяснилось позже, Джонни их не понял, как и таджики не поняли Джонни – так как в Таджикистане существует множество диалектов.

Перед общагой нам раздали огромные армейские баулы. Там было постельное бельё, тазик и термос. Термос прям добротный – позже мы, за неимением холодильника, нарезали замороженную курицу или мясо и закидывали в термосы.

Это была общага квартирного типа, рассчитанная на пять человек. Мы с Джонни и Ламаром попросились в одну комнату. Поднялись на одиннадцатый этаж. Квартира добротная: в зале огромный деревянный стол, телевизор и шкафы. Две спальные комнаты – одна на трёх человек, вторая соответственно на двух. Мы заняли комнату на троих и потихоньку стали разбираться. В окне светился огромный стадион и виднелась высотка – как мы узнали позже, это был торговый центр.

Позже в квартиру подошли трое: Назар, его двоюродный брат Саламандр и парень, которого я позже прозвал «Стрелком». Мы с ними особо и не познакомились – сразу вышли на улицу, решили сходить в магазин, взять что-нибудь перекусить.

На улице нас караулили таджики, прозвали нас тиграми и спросили, откуда мы будем. Я в тот момент немного напрягся – мол, таджики же, мало ли, что от них ожидать. Спросили у них, где ближайший магазин, а они решили нас прям туда довести.

Помнится, что голова вообще информацию не воспринимала, а Ламар всё жаловался, что воздух воняет. Мне лично ничего особо не воняло, но было очень душно. Немного постояв у магазина, вернулись обратно, и я завалился спать.

Добро пожаловать в Яньчэн, только мыло готовьте

Проснулся я от того, что что-то жарило моё лицо. Я на один бок повернусь – жарко, на другой – тоже жарко. Открываю глаза, а в окно на одиннадцатом этаже заглядывает солнце – и так добро мне улыбается.

Умылся, выпил воды. А остальные всё ещё спали. Я решил сходить на улицу, осмотреть округу. На улице было ощущение, что я нахожусь где-то на другой планете: тут теплее, странно пахнет и вокруг одни азиаты. Так произошло в силу того, что днём ранее, от сильной усталости (до этого двое суток не спал), я как-то профукал тот момент, что я уже не на родине, и было ощущение, что меня сюда просто телепортировали.

Я шёл куда глаза глядят. Вижу, из какого-то здания выходит парень-китаец, решил проследовать за ним – подумал, может, куда приведёт, где интересно. Он зашёл в столовую. Достаточно большая столовая, подумал я, и посмотрел, что вообще подают. Ничего знакомого. У первого прилавка подавали овощи в яичном лаваше, у второго – какое-то мясо, у третьего – сладости. Оказывается, там ещё был и второй этаж. Что-либо есть я как-то не осмелился, вышел на улицу – и вижу, передо мной идёт какая-то девушка, решил идти за ней. Она меня вывела к магазину, который был в нашем кампусе.

Внутри я с интересом всматривался в то, что было на полках. Практически ничего знакомого. Была «Кока-кола», и то она тоже какая-то непонятная. Решил и там понаблюдать за местными, посмотреть, чего они берут. В основном все подходили к напиткам, брали чаи. Я подумал: ну раз они все его берут, дай и я возьму. Когда подходил к кассе, увидел куриные лапки в вакуумном пакете, пощупал их. Тут ко мне подходит китаец, смеётся и показывает большой палец. Я ему тоже улыбнулся, но взять лапки не решился. На кассе взял шоколадку и пошёл дальше.

Чуть дальше был небольшой парк с прудом. Сел я на скамейку, съел шоколадку, пью чай и думаю: «Нифига себе, где это я вообще?» Хотелось позвонить родителям, но интернета не было.

…

– Ты где был? – с интересом спросили пацаны.

Позже пришёл Саламандр и сказал собираться.

– Ща округу вам покажу, потом комнату свою убирать будете.

Сначала повёл он нас поесть. Мозг с трудом воспринимал происходящее на дороге. Всё было другим: люди, деревья, воздух. Он был тяжёлым и чутка вонял. Погода была другой – из холодного Тобола в тропики, где в октябре можно было ходить в шортах.

Принесли нам что-то похожее на жаркое с курицей, правда картошка показалась какой-то пластиковой. Но я всё съел с удовольствием, а вот ребята к еде практически не притронулись. Саламандру пришлось потом их вести поесть в торговый центр, но, впрочем, ничего – и так туда собирались. В торговом центре было кафе, где подавали бургеры, разные супы, салаты. А заведовал всем этим местом мужчина по имени Джек. Нет, он тоже не был американцем. Видимо, китайцы специально назывались западными именами – то ли действительно хотели походить на американцев, то ли понимали, что мы их китайские имена попросту не запомним, поэтому чего нервы и нам, и себе мотать?

Джек оказался мужчиной очень приветливым, и у всех нас на душе стало как-то полегче: «Не монстры – значит, эти китайцы».

Позже, что они не монстры, продемонстрировали они нам и в супермаркете. Во-первых, каким-то образом мы смогли торгануться за чайник – то есть в супермаркете, где цены фиксированные. А во-вторых, Назар на одной из полок забыл кошелёк, так работница супермаркета с криком и ором догнала нас, чтобы вернуть его «вайгуо рэнам» – то бишь иностранцам.

…

Мда уж, не думал я, что первый день свободы от родителей ознаменуется тотальной уборкой помещения. Пока мы драили полы, в дверь постучал «Красный крест» – позже мы выяснили, что он помощник коменданта по делам иностранцев. Велел он нам спуститься вниз.

Позже нас всех собрали и повели в салон сотовой связи, бесплатно выдали симки и отпустили на все четыре стороны. Тогда я впервые прикоснулся к благам социализма. Надо было только положить на счёт 10 юаней за 100 гигабайт интернета (на тот момент это было приблизительно 100 рублей).

Обратно я возвращался с той алма-атинкой – пора бы дать ей имя, назовём её Катей. Не помню точно, что она мне рассказывала, но помню она пригласила меня к себе, чаю попить (действительно чаю), и я удивился, увидев беспорядок и толстенный такой слой пыли на полу. Пока мы вчетвером представляли себя солдатами химических войск (а Стрелок куда-то затерялся и вместе с нами жилище не убирал), девушки, оказывается, пока даже не задумывались о решении данной проблемы.

Вечером Саламандр забрал Назара, Джонни и Стрелка в ночной клуб, мы с Ламаром отказались и решили «надыбать» домой воды.

Про «надыбать» есть ещё одна забавная история. Не помню, когда это именно было, но в один из первых дней решил я вечером выйти за забор округу глянуть и вижу какой-то ресторанчик. Захожу внутрь, на ломаном китайском спрашиваю, что есть поесть. Говорит: «Рис – 1 юань», то есть 10 рублей. «Ничего себе», – подумал я, – «какие цены, дай-ка и пацанам захвачу». Говорю, значит, пять порций риса. Но рис в Китае безвкусный, он у них идёт как вместо хлеба, думаю: может, соус какой попросить. Пальцем показываю на баночку с чем-то красным, мол: «Клади». Женщина за прилавком китайской палочкой кладёт в рис маленькую горошинку.

– Тебе чё жалко, что ли? Ещё ложи, – говорю я ей по-русски.

Та добавляет ещё немного.

– Ещё давай, не жалей. Прям нормально так накладывай.

Женщина давай надо мной смеяться и, сказав «ок», наложила ещё.

В чём прикол, я понял только в общаге. От остроты у меня аж волосы вспотели.

Вечер трёх Кать

1

Стрелок начал общаться с одной девушкой, а я понравился подруге этой самой девушки. Звали её так же, как и девушку, с которой я летел в самолёте, так что для удобства она тоже будет Катей. И она тоже из славного города Алма-Ата. Стрелок начал подбивать меня на общение с этой Катей, а я её даже в глаза до этого не видел.

– Да сходи ты с ней погулять. Чего стесняешься? Симпатичная такая девушка, – уговаривал Стрелок.

А то, что я уже общался с другой Катей, рассказать как-то постеснялся и просто отнекивался.

– Не, а почему? – не отставал Стрелок. – Девка сама просит организовать с тобой встречу, а ты?

– Ну хорошо, схожу, – сдался я.

– Ну, я тогда скажу своей, чтоб подруге передала, что вы завтра вечером встретитесь.

Вот засада – а я на следующий вечер уже договорился погулять с первой Катей.

– Не, завтра я не могу, – запаниковал я.

– Почему?

– Занят.

– Да чего ты мозги паришь? Я уже ей сказал, что ты согласен.

Потом он мне полночи рассказывал о хитростях, как с девушками себя вести.

– Главное – на первом свидании нужно поцеловаться, иначе во френдзону попадёшь. И купи жвачку, потом, короче, её за ухо залепишь – это ты как бы даёшь ей сигнал, что нужно целоваться.

Половину его советов я пропускал мимо ушей и думал, как так умудриться за один вечер с двумя девушками погулять. А если первая меня потом увидит со второй, или вторая с первой – что тогда будет?

Вообще Стрелок был парнем достаточно симпатичным, да и сам он об этом прекрасно знал – иначе зачем он скручивал губы в трубочку, я не понимаю. Он чем-то походил на Элвиса Пресли, ну лично я заметил сходство.

Почему Стрелок был именно Стрелком? Это всё, потому что он у всех стрелял сигареты, и приветствие он начинал не со слов «Привет», а с «Есть сиги?». По ночам он меня часто будил с этим вопросом. Однажды я психанул, мол:

– Чего ты меня по ночам будишь? Не видишь – я сплю?

Но он понял это по-своему и просто стал без спроса брать мои сигареты из кармана, а на утро сигарет у меня больше не было. Ну я-то думал, он возьмёт одну-две, а он все скуривал. Позже я стал их на ночь прятать у себя в тумбочке – ночные подъёмы с вопросом «Есть сиги?» продолжились.

2

Следующим вечером я встретился с первой Катей. Пошли мы в торговый центр, по магазинам решили пробежаться. И вроде при капитализме живём, а в китайском торговом центре я себя почувствовал как советский гражданин, выбравшийся за железный занавес. Столько магазинов я никогда ранее не видел – с провинции же приехал. Не то чтобы у нас ничего нет, но многого действительно нет. Я купил себе новые кроссовки, которые потом служили мне верой и правдой пять лет, и клёвую куртку-бомбер, которую потом носили и младший брат, и папа. Катю торговый центр не особо впечатлил – из Алма-Аты же ведь, и она в основном своём мне подсказывала, что брать, а что нет. После шопинга мы пошли к Джеку. Я уже и не вспомню, о чём мы там беседовали, но помню, что мне было не особо интересно, так как

Катя была девушкой, при которой матом не поругаешься, нужны хорошие манеры, и мне приходилось притворяться, что я тоже суперпозитивный хороший мальчик. Проблема была в том, что в ней мне как раз нравилось, что она позитивная, весёлая и будто глядит на мир сквозь розовые линзы, но я боялся, что меня, который далеко не всегда такой, она просто не примет. Что позже, в принципе, и произошло. Не знаю, что послужило причиной моего непринятия – то ли она поняла, что я пытаюсь играть кого-то, то ли просто я ей не понравился.

Перед встречей со второй Катей я сильно нервничал, так как я её даже не видел – а вдруг уродина какая. На встречу мне вышла довольно симпатичная девушка с приятным голосом. Помню, что мы очень долго шли молча – видимо, оба как-то стеснялись. Решил я её вести на европейскую улицу – несколькими днями ранее Саламандр нас туда водил. Место достаточно красивое, но делать там особо нечего, но Катя там ранее не бывала, поэтому почему бы ей не показать?

«Что ей сказать-то?» – мучил меня вопрос.

Ранее я ходил на свидания с девушками, пока в школе учился, но Казановой меня назвать было очень тяжело. Помню своё первое настоящее свидание. Тогда мне очень нравилась девушка с параллельного класса. Я ей написал записку, вырезав буквы из журнала, в которой приглашал погулять. И это был… полный провал. Мало того, что я опоздал, так я ещё и повёл её в кино. Это я позже узнал, что нельзя на первом свидании вести девушку в кино – ибо вы толком друг друга не узнаете.

Меня в тот вечер смутило, что Катя вышла в медицинской маске. Вот и первая тема для разговора. Она это объяснила тем, что её очень смущает, что китайцы на неё всегда пялятся. Но их можно понять – видно, не каждый день можно встретить светловолосую девушку славянской внешности. Выслушав объяснение по поводу маски, я осмотрелся вокруг – и действительно все прохожие на нас пялились, но уже с большим интересом на меня. Видимо, азиат, гуляющий с русской девушкой, для них ещё большая редкость.

Я точно не помню, что мы делали на европейской улице, но обратно возвращались пешком. Я тогда разработал схему, как можно вроде как ненавязчиво взять девушку за руку. Нужно найти какое-нибудь невысокое препятствие – например, заборчик, перешагнуть через него и протянуть ей руку. По сей день пользуюсь этим – ещё ни разу не подводило.

Возвращаться сразу в общагу не стали – она предложила посидеть в парке на территории нашего кампуса. Не помню, что я именно тогда говорил, но рот у меня не затыкался – нельзя было допустить неловкого молчания. Но к моменту, когда мы сели в парке, я уже устал, и говорила Катя. В один момент я достал жвачку и вспомнил о словах Стрелка, что обязательно нужно поцеловаться на первом свидании.

– Может, поцелуемся? – сказал я, дождавшись, пока она договорит, и натянул на лицо дебильную улыбку.

Я ждал, что она сейчас скажет: «Эм, нет!» – или того хуже – влепит пощёчину.

– Давай, – ответила она, улыбнувшись.

До этого по-настоящему я целовался всего один раз, в двенадцать лет. Это было в летнем лагере – и поцеловался я тогда с пьяной вожатой из другого отряда. Не самый романтичный первый поцелуй, но зато интересный. Лица я её не помню, но хорошо помню пирсинг на языке. Я тогда посчитал, что это лучший день в моей жизни.

Я потянулся к Кате, закрыл глаза и попытался вспомнить всё, чему меня учила вожатая пять лет тому назад, но перед глазами стоял ор моей вожатой, которая нас спалила, и смех моего друга, который пришёл вместе с ней. В голове я попытался отмахнуться от этих образов и сосредоточиться на пирсинге – вспомнить, как она двигала языком и губами.

Катя целовалась в первый раз и обслюнявила мне практически всё лицо. Позже я сам отодвинулся назад – и не потому, что мне не нравилось происходящее, а потому что посчитал, что нужна мера, иначе она испугается.

– Кстати, у меня сегодня день рождения, – стеснительно объявила она.

На часах было час ночи, и свой день рождения она встречала в моей компании, а я этого даже не знал и, соответственно, никакого подарка не приготовил. Мне в тот момент стало очень неловко – не самый лучший день рождения, уж точно.

– Ещё хочу целоваться, – нарушила она неловкую тишину.

«Да ладно, тебе понравилось?» – про себя недоумевал я.

Во время поцелуя я потянул её на себя и завалился назад, но так как мы сидели на узкой скамейке, моя спина на ней не уместилась – и мы свалились на землю.

«Какой же я косячник», – думал я, но она только посмеялась.

В третий раз мы целовались долго, и в один момент я стал думать, что нужно бы её ещё чем-нибудь занять.

– Может, ещё прогуляемся? – предложил я.

– Да, давай, – но по её голосу слышалось, что она немного расстроилась.

…

Шли просто наугад и дошли до одного из учебных корпусов. Поглядел я на открытое окно и подумал: а не будет ли это преступлением, если мы туда сейчас заберёмся?

– Может, не стоит, – ответила она на моё предложение.

Но я взял разбег, запрыгнул в окно и вытянул ей руку. Было видно, что ей неуютно, и когда я её втянул в здание, она сжала мою руку и озиралась на каждый шорох.

Вообще люблю я бродить по каким-то таким местам – исследовательский интерес всегда берёт вверх. Однажды, уже в Турции, я прошёл на территорию воинской части: просто поднял свой студенческий пропуск часовому на КПП, он мне легко кивнул, и я пошёл дальше.

А в коридорах учебного корпуса института особенно ничего интересного не было. Мы с Катей немного посидели на лестнице, ещё поцеловались и пошли на выход.

3

– Ну чё? – поинтересовался Стрелок, когда я вернулся в общагу.

– Да ничё, – махнул я рукой.

– В смысле? Ну ты рассказывай, – не отставал он.

– Ну сводил я её на европейскую улицу, да ничего особенного.

– Ты что, с девушкой какой-то гулять ходил? – выскочил из своей комнаты Назар.

– Да, ходил.

– А что за девчонка-то?

– Катя.

– Какая Катя?

– Да помнишь, подруга моей подружки, – объяснял Стрелок.

– Да ладно. И что?

Мне не очень нравится рассказывать о своих отношениях с девушками, но они оба напирали. Рассказал им, что поцеловался.

– А чё, покажи её, – сказал Назар. – А то я её не знаю.

Показать я её не смог, потому что никакой её фотографии не имел у себя, и мы решили пойти в магазин. По пути Стрелок давал ещё кучу советов, как нужно с девчонками общаться.

В магазине, пока расплачивался, ко мне подошла девушка и взяла меня за руку. Я удивлённо на неё посмотрел и спросил:

– Ты кто?

– Катя, – отвечает она.

Знаю, что в футболе, если игрок забьёт три гола, это называется «хет-трик».

Эта третья Катя была на тот момент нетрезвой, хихикала, глядя на меня.

– Может, погуляем? – предложила она.

– А давай, – ответил я.

Вышел я с ней из магазина, держа за руку.
– Я погуляю немного, – объявил я пацанам.
Они стояли, держа руки в карманах, и я услышал, как Назар сказал:
– Как он так умудрился?

Первый контакт с учителями

В один из дней нас всех собрали и повели в актовый зал. Нас поприветствовала полицейская, сидевшая за столом. Помню, она спросила, веруем ли мы в Бога. Некоторые из ребят подняли руки.

– Мы не запрещаем вам верить, но в нашей стране пропаганда любой религии не приветствуется. Помните об этом, – объявила полицейская.

Позже она сказала, чтобы мы не баловались, соблюдали режим, не дрались, не воровали. Если мы всего этого делать не будем, то наше присутствие в их стране будет приятным. Потом нас отпустили на обед.

После обеда надо было быть в одном из учебных корпусов, но я где-то забегался и опаздывал. На территории института никого из знакомых не видел и просто не знал, где нужно быть.

Пока глядел по сторонам, думал, что меня сразу же исключат из института за то, что не явился на распределение. А кто там за мной будет бегать и определять в учебную группу?

Заметил, как из столовой вышел таджик, который звал нас тиграми. Он держался расслабленно, в тёмных очках-авиаторах и спортивке «Bosco Russia». Я сразу побежал к нему с вопросом, не знает ли он, куда все пропали. Я тогда знал, что он уже на втором курсе, и подозревал, что наши «духанские» дела его не касаются. Но он знал и сказал идти за ним. Не впервые мне дорогу показывал этот «Тигр», и пока я шёл за ним, стал пересматривать некоторые свои взгляды. Просто о таджиках обычно хорошего не говорят, и первые дни я относился к ним с опаской. А тут второкурсник вместо того, чтобы идти в общагу и отдыхать, ведёт меня, отставшего, на распределение.

На распределении сказали, что нас раскидали по учебным группам, и сказали идти в другой учебный корпус, где нас ждут наши кураторы. В группу со своими соседями я не попал и немного расстроился.

Когда я вошёл во второй кабинет, преподавательница стала на китайском мне что-то говорить. Я ей ответил, что ничего не понимаю. Она перешла на английский и удивлённо так спросила:

– А ты что, не китаец?!

– Нет.

– Поразительно! Просто я подумала, что ты младший брат моего одноклассника. Но я вспомнила, что у моего одноклассника нет младшего брата. Но ты так на него похож.

Куратора звали Конг Мин-Мин. Я это запомнил сразу, потому что как «Кинг-Конг». Она нам сказала, что занятия начнутся через неделю, занятия не пропускать, и пожелала нам хорошо учиться.

Из класса я выходил последним – хотел уточнить: в этом ли кабинете будут занятия, что с собой приносить и так далее.

Выяснилось, что она училась в Америке, и я стал расспрашивать её о стране моей мечты. Рассказала она немного, сказала, что учиться там очень тяжело.

Учительница меня очень хорошо запомнила и всегда относилась ко мне по-доброму. Вообще у всех учителей – что в Китае, что в Турции – обо мне было хорошее впечатление. Я подозреваю, причина тому – что я не боюсь, или, правильнее сказать, не брезгую разговора с ними.

Можно и даже нужно говорить с ними, задавать даже самые тупые вопросы. Они начинают считать, что вы вовлечены в учебный процесс, и очень долго об этом помнят.

Первый раз в ночной клуб

До того дня я ни разу не был в ночном клубе. В моём городе, насколько я знаю, есть только один клуб – напротив Бульвара Молодёжи. Слышал я о нём: деревенские джунгары приезжают туда, и обязательно всё закончится дракой.

Также представление о подобном культурном мероприятии я имел из просмотренных фильмов.

Выше я рассказывал, что Саламандр в первый же день забрал Назара, Стрелка и Джонни в клуб, а мы с Ламаром решили раздобыть в общагу воды. В ту ночь соседи вернулись довольными – их просто распирало от эмоций. Они нам показывали фотки, видео и такие вещи рассказывали, что мы с Ламаром пожалели, что не были там с ними. Тогда мы вдвоём решили, что в следующий раз обязательно тоже поедем.

Наступил тот день. Мы приоделись, надухарились и вышли. Проблема была в том, что через главные ворота института не выйти – так как они закрывались после десяти. Но рядом с общагой был забор с проходом. Китайцы, конечно, периодически прутья в заборе заваривали, но в первую же ночь их выбивали.

В такси просто спокойно сидеть было невозможно – уже не терпелось всё это увидеть своими глазами, а Назар, Стрелок и Джонни наваливали красочных историй, что нас ждёт впереди.

Когда я вошёл в клуб, это оказалось не тем, что я представлял и видел в кино. В реальности это было в разы красочнее. Китайский клуб – это целое шоу.

Когда ты только вошёл в здание, должен идти по узкому коридору с зеркалами, а музыка уже приглушённо, но настойчиво зовёт тебя дальше. Ты сворачиваешь направо и видишь основной зал – он огромный. Уши сразу закладывает от громкой музыки. Вокруг одновременно и очень свежо, и очень душно – даже не знаю, как это так. Рассмотреть что-то тяжело: светомузыка мерцает, вокруг куча действий, кто-то танцует, кто-то пьёт, попутно кто-то что-то пытается тебе сказать. А говорили сзади:

– Ну что встал?

Встал я, потому что стало даже страшно от увиденного. Я растерялся, не знал, куда смотреть и куда идти. Меня чуть ли не за ручку привели к столику, где были иностранцы.

Алкоголь иностранцам в китайских клубах дают бесплатно – торжество коммунизма, по крайней мере на момент 2018–2020. Дают виски, который, видимо, гонят на клопах, от которого утром жить не хочется. Чистым его практически никто не пьёт, а смешивают с чаем – получается неплохой сладкий коктейль. Также дают пиво, которое мало кто пьёт – многие предпочитают растрясти бутылку и разбрызгивать друг на друга. Вроде расточительство, но бухлишко подносят ящиками каждый час.

Чуть впереди столиков, где тусуют иностранцы, – танцпол, который двигается вверх-вниз под такт музыки. Можно даже не уметь танцевать – достаточно просто на него встать, и вибрации сделают всё за тебя.

Ещё впереди – стойка диджея, на которую можно и забраться. Но если ты слишком пьян и ведёшь себя неадекватно, то тебя сразу оттуда снимут. Иногда на стойку диджея выходили танцовщицы, а однажды я даже видел, как танцовщиц спускают сверху на обручах. Красивы они настолько, что зачастую одного взгляда достаточно, чтобы влюбиться, но стоит помнить: там есть улыбка, но нет в их глазах любви.

Тот первый раз я не помню, потому что быстро напился и очнулся только утром в общаге – весь зацелованный. Это было отдельное расследование. Пришлось несколько дней ходить в рубашках и поднимать воротник, потому что зацеловала меня не Катя, с которой мы вроде были в отношениях. Но об этом расследовании – позже.

О пьянстве

Многие семнадцатилетние ребята, уехав из дома впервые, начинают пробовать атрибуты взрослой жизни. Я лично впервые купил алкоголь по ошибке. Это было после десятого класса. Я зашёл в супермаркет, хотел взять попить себе чего-нибудь. День был жарким, хотелось чая в бутылке. Прохаживаясь глазами по полкам, заметил напиток «Hard tea drink» в красивой стеклянной бутылке.

На кассе никаких документов не спросили – да и не должны были бы, считал я, потому что я покупаю чай.

На деле это оказался не чай, а что-то похожее на пиво. Напиток мне показался интересным и действительно освежающим. В то лето я стал частенько брать этот «чай» и друзьям его показал. Мы пили его по вечерам, выезжали на велосипедах и покупали себе по бутылочке.

В то лето ещё был такой случай: у моей тёти был день рождения. Мама сказала купить ей цветы и после мероприятия сразу к ней. Я учился в кадетском корпусе, и мы пошли на парад – не помню, в честь какого праздника, но в тот день я был в парадном кителе с погонами, с аксельбантом. После парада я пошёл в цветочный. Продавщица, молодая девушка, с интересом на меня посматривая, спросила:

– Вы после службы?

– Да, – ответил я. Просто не хотел долго объяснять, что я не военнослужащий, а воспитанник кадетского корпуса.

– Девушке, наверно, – улыбалась она. – Такой красивый букет.

– Нет, у тёти день рождения.

Выйдя из цветочного, я сделал вывод, что военная форма прекрасно мылит людям глаза, и я стал захаживать в алкомаркет в военной форме – когда в парадной, когда в рабочей. Обычно мои ровесники пытались что-то купить в дворовых магазинах, а я ломился именно в алкомаркет, где вероятность, что спросят документы, в разы выше. Но у меня ни разу не спросили, потому что думали, что я военный, который хочет расслабиться после службы.

В то время мы пили мало, чтобы родители не могли этого заметить. Но в Китае родителей не было, и я каждый вечер стал брать по несколько бутылок разного пива – хотел попробовать всё.

В Китае большое разнообразие пива – и местного, и иностранного, изготовленного в Китае по лицензии. Там было много а-ля немецкого пива, но я отправил фотографию своему знакомому из Германии. Он сказал, что половину из этих марок видит впервые.

Но баловались мы не только пивом.

В один из первых дней пребывания я с Динь Вэем пошёл в магазин, и мы купили чёрный «Бакарди». Я в тот день напился так, что наблевал в чужой комнате и там же уснул. Утром я, конечно, за собой убрал и ушёл, поэтому жители этой комнаты сказали: «Нормальный ты пацан. Да наблевал, но за собой убрал. Спасибо». В ту неделю я негласно стал главным выпивохой общаги, но позже этот титул забрал у меня Динь Вэй. Но об этом – позже.

Пил я первые недели с кем попало: то окажусь в комнате у украинцев, то у девчонок, то в парке мы где-то сидели.

И так пили многие на первых порах, и я считаю, что это нормально, когда впервые почувствовал свободу. Каждый должен такое пережить, но главное – не застрять в этом празднике.

Первый учебный день

Учёба начиналась в понедельник. Началась она почти в ноябре. Мы до этого недели три сидели без дела, осваивались, знакомились. В ночь с воскресенья на понедельник никто в комнате не мог уснуть. Может, переживали, что завтра начинается важный этап, ради чего мы все сюда приехали. Но каждый не терял надежды уснуть, время от времени выбираясь в гостиную покурить. В часа два ночи так совпало, что покурить мы вышли впятером и разговорились. Сидели, шутили. Тут Стрелок говорит:

– Не, если мы сейчас пойдём спать, то утром не проснёмся. А давайте не спать вообще.

Но мы сразу подумали: сейчас спать не хочется, но, а вдруг через час нас валить начнёт.

Тут Стрелок предложил засыпать в кружку по несколько ложек растворимого кофе, прямо много, и заливать его малым количеством воды и выпивать эту жижу.

На вкус это было отвратительно. Сейчас я думаю: а дало ли это вообще эффект?

Потом мы начали отжиматься и приседать, чтобы энергия на короткое время забила ключом. Я уже плохо помню, что мы делали потом, но до утра мы дотерпели.

Утром я причесался, красиво оделся – так как первый день – и пошёл к Кате. Я прилёг на её кровать и чуть не уснул. Она в это время красилась.

По дороге к учебному корпусу она что-то рассказывала, но я хотел спать. Мы с Катей были в разных группах и разошлись по своим кабинетам.

В классе я сел рядом с Рыжим, потом пришла Лера и села рядом со мной. Так и просидели мы втроём за одной партой весь год. Мы с Лерой до этого говорили пару раз на пьянках. Она приехала с парнем, но отношения их были странными – они каждый день то расходились, то сходились снова.

Учительница представилась и начала учить нас цифрам. Я в один момент прилёг на парту и уснул. Лера меня вечно тыкала в ребро и говорила: «Первый же день. Надо перед учительницей держаться молодцом». Но я не мог – глаза просто закрывались.

Таким образом я отсидел все три пары, вернулся в общагу – и так всё болело, я брёл как в тумане. В пять часов вечера я прилёг немного полежать и проспал до следующего утра.

Про то как мы учились

Первые уроки мы разучивали китайские звуки. Учительница проговаривала звук, а мы всем классом повторяли. Со стороны это звучало как блеяние баранов.

В первый год, пока мы учили язык, у нас было три учительницы. Про первую я уже вскользь рассказывал – Конг Мин Мин. Она после уроков любила у меня расспрашивать про жизнь в нашей стране, потому что я лучше всех в группе знал английский. Иногда Конг Мин Мин проговаривала антиамериканскую пропаганду. Рассказывала про Тайвань, где живут такие же, как и они, китайцы, которых разделили американцы, но наступит день, когда они снова воссоединятся. Сама Конг Мин Мин училась в США, и однажды я обратил внимание на это противоречие. Сказал:

– Вы же там учились, а теперь ругаете.

Она это объяснила так: в Америке у неё было много друзей, которых она любит и до сих пор поддерживает связь. Американский народ прекрасен. Их культура прекрасна. Но правительство создаёт много проблем в мире.

Тогда я был фанатом Америки, мечтал там жить. Верил в американскую мечту, но, услышав её объяснение, я как-то призадумался: может, есть правда в её словах. Может, Конг Мин Мин и сделала первый толчок, по которому я покатился и стал настоящим «ватником». Может, не сказав она тогда это, я бы был другим человеком?

Вторую учительницу я не помню, как зовут. Если Конг Мин Мин преподавала нам разговорный китайский, то вторая обучала нас грамматике. Я могу её описать как женщину приятного вида. Она носила очки в розовой оправе и всегда улыбалась. Ещё она могла читать по-русски. Однажды я читал какую-то книгу на её уроке, она это заметила и прочитала название. Я тогда спросил:

– Вы по-русски понимаете?

– Нет, – ответила она, – могу только буквы различать.

Может, и соврала, чтобы мы не догадывались, что она понимает, о чём мы между собой говорим.

Она нам объяснила, что на самом деле говорить по-китайски легко – в китайском нет всяких склонений, спряжений и родов. Просто говори слова потоком, например не «Я не пойду в школу», а «Я не ходить школа».

Имя третьей учительницы я вспомнил только сейчас – Ли Лаоши («Лаоши» – это по-китайски «учитель»). Но между собой её почему-то прозвали «Крысой», но не со злым умыслом – просто её лицо было отдалённо похоже на морду грызуна. Она нам преподавала каллиграфию. Сколько мы за год страниц исписали, и придиралась она сильно. Оказывается, иероглиф нельзя просто нарисовать. Каждая чёрточка, каждая линия выписывается в порядке очереди, сверху вниз. Но иногда верхние чёрточки ставятся в последнюю очередь.

– Это знать надо, – повторяла она.

Ли Лаоши, в отличие от двух других, предпочитала одеваться просто. Если Конг Мин Мин и вторая учительница старались одеваться официально, добавляя каких-то деталей в образ, то Ли Лаоши приходила просто в спортивном костюме, зимой – как лыжник без лыж.

Ли Лаоши была не так разговорчива, как первые две, может поэтому большего о ней не могу рассказать.

Про китайские имена

Китайские учителя в первый день занятий обязали нас выбрать себе имена, потому что наши настоящие имена они не выговорят. Меня, например, назвали в честь известного французского футболиста – то есть моё имя известное, особенно среди французов. С помощью него я легко себя располагал, сразу было о чем поговорить, но для китайцев оно значит мало.

Я, естественно, начал шутить: мол, зовите меня Джекки Чан. Сказали – не пойдёт. Тогда Джет Ли или Брюс Ли.

В итоге Конг Мин Мин помогла мне выбрать имя Джанг И. Просто иероглиф «Джанг» похож на русские инициалы первых букв моего имени и фамилии. Моё имя дословно переводилось как «Джанг первый». Однажды я назвал это имя китайцу, он долго смеялся и в ответ сказал, что его зовут Джанг Сан. Только когда он уже ушёл, я смекнул, что Джанг Сан – это «Джанг третий». А где, спрашивается, второй?

Вообще, если перевести имена, которые все себе выбрали, то дословно это будет звучать что-то типа: «Чёрный дракон», «Ползущая птица», «Задница тигра» и так далее. Хотя некоторым, как например мне, имена помогли выбрать учителя. Например, моему соседу, который позже появится в повествовании, на которого мы заменили Стрелка, спросили, что его имя значит, и помогли выбрать похожее по смыслу, но китайское. Эх, звали бы его Энди Картрайт – те, кто смотрел «Версус батлы», поймут.

Так мы и ходили с этими именами всё время, и как-то не смущало то, что нас преподаватели звали не нашими настоящими именами – видимо, мы отнеслись с пониманием, что им тяжело будет. Хотя нам тоже было тяжело. Я обычно записывал в телефон имена новых знакомых и краткое их описание. Я так делал и с турками, да и с нашими я так делаю. Просто у меня память на имена плохая – видимо, в деда пошёл.

Но была ещё такая деталь, а скорее маркер: если вас свои же будут звать вашим китайским именем, то значит дела ваши плохи. Как-то так сложилось, что дурачков между собой мы звали их китайскими именами. И самое удивительное – мы об этом не договаривались со всеми, просто было так заведено. Например, я уже упоминал Динь Вэя, и все звали его таким образом, да даже сейчас, между собой вспоминая его, мы продолжаем его так звать. Меня же такой участи не постигло – значит, я не был дурачком.

Как Динь Вэй Хэллоуин отмечал

30 и 31 октября мы ходили в клуб. Хэллоуин для меня, впрочем как и для многих, ничего не значит. Но как повод выпить и побеситься – пойдёт. 30 числа мы выпили и благополучно вернулись в институт. 31 числа днём – учёба. Лера на уроке мне говорит: Динь Вэя нет. Я думаю: ну нет и нет, а мне-то что? Мы сходили пообедать, немного отдохнули и снова на занятия. Я в шутку спросил у неё:

– Ну что, нашёлся?

Она ответила, что нет – просто с концами пропал. Ну я что-то пошутил про это и вернулся в общагу. Вечером мы с ребятами долго размышляли: продолжить ли отмечать этот никому не нужный праздник. Коллективно посовещавшись и взвесив все «за» и «против», решили, что празднику быть, и снова отправились в клуб. В клубе я встретил Динь Вэя – нашёлся значит. И что все так переживали? Я спрашиваю его:

– А где ты потерялся-то?

Он предложил выйти на улицу, где и хотел рассказать историю.

Дальнейшая история – от его лица:

– Ну вчера (30 числа) я тут выпил и решил отправиться домой. Сел в такси с двумя казашками, назвал адрес, и мы поехали. Таксист привёз нас, я оплатил, и мы пошли дальше. А я смотрю: институт вроде наш, но и не наш. Ещё походили – общагу найти не можем. И тут я понял, что таксист-то нас привёз в другой институт. Просто у нас здания белые, а тут серые. Я девчонкам сказал, что сложилась такая ситуация, а они сказали, что сами будут выбираться. Я им предложил держаться вместе, ну они обвинили меня в сложившейся ситуации, что я, видите ли, неправильный адрес назвал, и сказали, чтобы я не шёл за ними.

Я в тот момент понял, что устал, и решил присесть. Потом резко захотел спать, лёг под куст и уснул. Проснулся уже от того, что захлёбываюсь. Открываю глаза, а какой-то китаец поддел меня палкой и выталкивает к берегу. Просто там в парке холмы, и я, видимо, во сне укатился в пруд. Был весь в тине какой-то. Этот старик никаких вопросов не задавал, просто ушёл. Через час проходили студенты, и я пытался спросить, как добраться до нашего института, но они меня не поняли и дали яблоко. Потом приехала полиция и забрала меня в участок. Женщина пыталась меня допросить, но я её не понимал, но было видно, что ей неприятно рядом со мной находиться – просто от меня воняло, я же в болото свалился. Потом приехал Мао Лаоши и забрал меня. Я пообещал ему, что пить больше не буду.

– А какого хрена ты тут тогда делаешь? – спросил я.

Честно, это было единственное, что я смог спросить. Просто я со смеху умирал. В моей голове крутились разные вопросы: например, как вообще можно адрес было перепутать? Просто адрес написан на брелоке наших ключей. Почему он решил лечь спать под кустом, а не выбираться оттуда? Но задать эти вопросы я был просто не в состоянии.

Как Динь Вэй паспорт получал

Когда мы приехали, у нас забрали паспорта. В той ситуации не было никакого злого умысла со стороны учителей. Они объяснили это так:

первые недели в новой стране – самые тяжёлые. Раньше были ситуации, когда студенты, скучая по родным, уезжали домой. Они забирают наши паспорта на два месяца, чтобы дать время привыкнуть и чтобы мы не смогли на эмоциях бросить учёбу и уехать домой.

Ещё они самостоятельно занимались оформлением виз. Я бы многое отдал, если бы и в Турции оформлением документов вместо меня занимались учителя.

Прошло два месяца, а паспорта отдали не разом – каждый куратор самостоятельно отдавал своим студентам. Назар и Джонни состояли в группе Мао Лаоши, и паспорта они получили первыми.

Одним вечером они вдвоём ушли, а придя, позвали нас с Ламаром посмотреть на хохму.

Мао Лаоши собрал своих ребят на пятом этаже общаги и под роспись отдавал паспорта. Динь Вэй, к его несчастью, тоже находился под управлением Мао Лаоши.

Приходим мы на пятый этаж и слышим, как Мао орёт:

– Где Динь Вэй? Кто-нибудь его видел?

Сосед Динь Вэя, который тоже состоял в группе Мао Лаоши, ответил, что Динь Вэю нездоровится, но он может забрать паспорт вместо него и передать.

– Не, так не пойдёт. Это документ, и я должен передать ему лично в руки под роспись, – ответил Мао.

– Но он не может, он болеет, – объясняет сосед.

– Ну, пошли посмотрим, как он болеет, – отвечает Мао.

Мы это услышали, сразу поняли: сейчас будет весело – и хвостиком пошли за Мао. Просто к тому времени Динь Вэй уверенно забрал у меня титул главной пьянчушки, да и Мао хорошо помнил, как забирал его из милиции. Да, в Китае, оказывается, милиция, а не полиция.

Мы приходим в их комнату. Мао Лаоши заходит в спальню и начинает тормошить спящего Динь Вэя. Динь Вэй же просто в салат. Мао спрашивает:

– Сколько выпил?

– Two bottles of beer, – отвечает Динь Вэй.

– Может, стоило остановиться на one bottle of beer? – добавляет Мао и тут же говорит: – Завтра на урок не придёшь – плакать будешь.

Мы сзади стоим и просто угораем с этой ситуации. Мы даже умудрились снять это на видео, и самое главное – на запись попал смеющийся Мао. Просто его улыбчивым-то увидеть уже чудо, а тут он смеётся.

Мао ушёл, так и не отдав паспорт. А мы потом придумали прикол. Но об этом – в следующей главе.

Как мы Динь Вэя на занятия поднимали

После того как Мао Лаоши ушёл, мы с ребятами из той комнаты сидели в гостиной, о чём-то говорили. Среди них был парень Леры – допустим, назовём его Миксер. Просто он привёз с собой из Казахстана BMX. Мы с Назаром между собой долго шутили по этому поводу: мол, человек так любит свой велосипед, что заморочился привезти его с собой, а его в чемодан не уместишь.

Это, кстати, в первые дни я в его комнате пьяным наблевал.

Ещё Миксер отслужил в армии и рассказывал об этом так, что нетрудно было догадаться, что он уверен в народном «Не служил – не мужик!». Но в то же время он думал, что рассказывает истории дилетанту. Уточнял всё время: кто такой лейтенант, что такое ПХД, что значит «прокачать».

– Да я понимаю, что это такое, – заметил я на одно из его уточнений.

– А ты что, тоже служил? – посмотрел он на меня как-то иначе.

– Не совсем, в кадетском корпусе учился, – уточнил я.

Сей факт, в дополнение к тому, что я тогда убрал пьяный беспорядок за собой, добавил ещё несколько очков к уважению в мою сторону.

Где-то час мы с ним говорили обо всём и не о чём. Назар всё это время сидел и скучал. Потом чью-то голову посетила замечательная идея:

– Давайте поднимем Динь Вэя якобы на пары. Мао же говорил, чтобы он на уроки обязательно пришёл. Скажем ему, что сейчас уже утро.

Хотя на часах было около часа или двух ночи.

Идея всем понравилась, мы вскочили и завалились в комнату, где спал Динь Вэй. Запах там стоял страшный: перегар, блевотина и запах немытого тела.

Мы его дёргаем, а ему вообще всё равно. Кто-то уже начал его щипать, а Динь Вэй только переворачивается со стороны в сторону.

Подняли мы его только вылив таз воды на голову – только тогда он начал немного активнее шевелиться. Мы ему говорим: мол, утро уже, пары сейчас проспит.

– Ты помнишь, как Мао Лаоши приходил?

– Помню, – еле кивает он.

– Так он сказал, если ты не придёшь, тебя отчислят.

Динь Вэй запереживал, стал немного суетиться, но two bottles of beer не позволили ему самостоятельно одеться. Ну конечно же мы ему поможем одеться, обуться и даже шнурки завяжем – когда такой прикол на кону стоит.

Назар сказал, что он отыграет роль Мао Лаоши – он первым выйдет из лифта и выйдет якобы из-за угла. Просто Назар очень хорошо пародировал препода. Обсуждали мы это всё прямо рядом с Динь Вэем – всё равно же он ничего не понимает.

Загрузились мы все в лифт, смеёмся и попутно пытаемся объяснить Динь Вэю план действий. Мы ему посоветовали ни при каких обстоятельствах не дать понять Мао Лаоши, что он пьян. Сказали: если он спалится, то его сразу отправят домой.

– Ты же не хочешь домой? – спрашиваем мы его.

А он только головой машет.

Приехали мы вниз, Назар сразу выскакивает из лифта и выходит из-за угла, как и договорились. Он ему ещё фонариком в лицо светил, чтобы пьяный мозг Динь Вэя точно не узнал в этой фигуре Назара.

Назар интонациями Мао говорил:

– Ты сейчас домой поедешь. Мы в тебе разочаровались. Вроде умный парень, а так нас подвёл.

Динь Вэй пытался извиняться и просил не выгонять его.

Назар побыл немного в роли Мао и отошёл в сторону. Динь Вэй пошёл дальше – в сторону учебных корпусов, а мы, смеясь, шли за ним.

Назар у него спрашивает:

– Динь Вэй, ты куда?

– На пары, – ответил Динь Вэй, ещё с таким видом, мол, не он сейчас дурак.

Он практически дошёл до учебного корпуса и ни с того ни с сего развернулся. Что-то он тогда очень смешное сказал, но точно уже не помню что. Что-то вроде:

– Я позавтракать забыл.

Вообще Динь Вэй как-то плотно утонул в пьянстве. Сначала, конечно, его пьяные выходки нас забавляли. Спустя время мы стали немного ему сочувствовать, думали: может, в жизни что-то произошло. Но ещё позже он уже стал вызывать лёгкое раздражение – как алкаш со двора. Со временем он перестал за собой следить. Например, как-то нас всех собрали для групповой фотографии – все мы оделись понаряднее, надели рубашки, туфли, а Динь Вэй пришёл в куртке, на которой были намазаны засохшие сопли. Если первое время мы с ним пытались как-то общаться, считали его своим, называли по имени, то к концу он уже окончательно стал Динь Вэйем, с которым даже не хотелось здороваться.

С кем я целовался и конец первых отношений

Я уже упоминал, что пьяным целовался с какой-то украинкой, но по утру вообще ничего не помнил. Это происходило так: мы уезжали в клуб, а просыпался я уже в общаге. Несколько часов между этими событиями – просто стирались из памяти. Утром я смотрелся в зеркало и видел себя зацелованным. И так повторялось несколько раз. Назар говорил:

– Да с какой-то украинкой ты тусовался. Правда, не знаю, кто это. Вроде она вообще не из нашего института.

В то же время я встречался с Катей. Честно, я вообще не знал, что и как нужно делать с отношениями. Это, конечно, круто – что у меня есть девчонка, а что дальше? Я не знал, какие знаки внимания нужно оказывать, что говорить, как вместе проводить время, и поэтому мне было легче держаться от неё подальше. Она где-то есть, но не тут – и хорошо.

Сейчас я понимаю, что подобное холодное отношение в её сторону, наверно, приносило ей горечь. Она, наверно, на очередное отвергнутое мной предложение о встрече интерпретировала как: «Он меня не любит». А если не меня, то другую. Но кого?

Она, наверно, тоже не знала, что нужно делать с этими отношениями – ей было шестнадцать, но она избрала другую тактику. Если я пытался находиться дальше, то она хотела быть ближе, и из-за этих противоречий в тактике она начинала устраивать мне скандалы. Чем громче она кричала, тем ещё дальше я находился. А чем дальше я был, тем менее логичной становилась её ревность в мою сторону.

Был такой случай. Мы учились в разных группах. В один из дней у меня был урок физкультуры, а она что-то мимо проходила и увидела, как я мило беседую с другой девушкой. Тут она сделала вывод, что я сейчас же уйду к ней, и поэтому нужно бить на опережение. Заблокировала меня везде, где только можно, и передала через переговорщика, что между нами всё кончено.

Но на самом деле я просто болтал с одногруппницей на будничные темы: мол, быстрее бы урок закончился, а что на завтра задали – и так далее.

В итоге мы тем же вечером помирились, но никаких изменений в поведении не было. Когда мне было некомфортно – я закрывался, а когда скучно – звал её поближе. Такое йо-йо.

Одним вечером мы снова что-то поругались – не помню даже из-за чего – и я сказал:

– Давай расстанемся.

Тогда я долго думал над тем, что отношения оказались не тем, что я ждал. Я думал, что будет весело, интересно, приятно и при этом с минимум усилий – что это просто должно быть, как само собой разумеющееся. А что я получил? Бесконечные вопросы: «А кто это? А зачем ты с ней говорил?» – и бесконечные скандалы, которые вгоняли меня в некомфортное состояние.

Катя, хотя по-настоящему тебя зовут по-другому, это я тебя в тексте так назвал, но если ты это прочитаешь и узнаешь тут нас – то я просто не знал, что и как делать. Знаю ли я сейчас? Не уверен, но надеюсь, уже понимаю больше.

Что насчёт украинки? В очередном походе в клуб я решил устроить засаду, поэтому пришлось не пить. Ко мне подошла девушка, которая была танцовщицей в этом клубе. Она так легко и просто поздоровалась со мной и потянулась целоваться. Она была настолько красивой, что я за себя испугался. Также я пытался понять, как я вообще умудрился это провернуть. Может в пьяном бреду во мне рождается вторая личность, как в фильме «Маска», но пришлось быстро напиваться, потому что трезвым говорить с ней я боялся.

Как мы Стрелка выгоняли

Я уже немного рассказывал о Стрелке. С виду это был очень симпатичный парень – такой прямо весь из себя Элвис Пресли. Он был в очень хорошем теле. С этими данными ему бы на обложку какого-нибудь модного журнала.

Он был нашим соседом, но буквально за месяц к нему накопились претензии. Лично у меня он без спроса брал сигареты – будто я ему их покупаю.

В совместной уборке помещения он никогда не принимал участия, но, как он считал, умел харизмой убедить нас, почему он не убирается вместе с нами. Чаще всего он ссылался на то, что у него важное свидание, а девчонка – это уважительная причина. Ну мы же парни, должны понять.

– Блин, я бы убрался вместе с вами, но вот на свидание иду. Прям хочу вместе с вами, но тоже поймите.

И как-то удобно – его свидания всегда совпадали с уборкой.

Мы не то чтобы были большими чистюлями, но убирать комнату старались раз в неделю. Это не тяжело – просто поддерживать чистоту: подмести по углам, пройтись шваброй по полу, протереть стол, залить в унитаз чистящее средство.

Я напомню, что комнаты в общежитии были квартирного типа: гостиная со шкафами, небольшая кухня, небольшой балкон, туалет с душем и две спальни. Комната была рассчитана на пять человек – в одной спальне трое, в другой двое. Назар жил вместе со Стрелком и в один момент стал чаще рассказывать про него. Рассказывал он очень смешно, но чувствовалось, что Назар от него просто устал.

С бытовой точки зрения, Назару не нравилось, что Стрелок надевал его вещи. Начиналось это с того, что Стрелок время от времени просил что-нибудь у него взять:

– Блин, брат, можно я твою безрукавку надену? Просто моя грязная, а мы с тобой одного роста. Блин, братан, мне на свидание идти, а у тебя такие брюки классные – можно, возьму?

Но со временем Стрелок просто открывал шкаф Назара и брал то, что хотел. Назар и так нехотя разрешал, когда Стрелок об этом вежливо просил, но отказывать было как-то неудобно. Нам он рассказал, что это негигиенично, противно, когда чужой носит твои вещи, но Стрелок так умеет задолбать.

Дальше шёл денежный вопрос. Стрелок часто вкидывал: мол, можешь сейчас закинуть – за мелочь какую-нибудь, то попить купить, то ещё что-то. И в моменте думаешь: «Ладно, жалко, что ли?»

– Да я в следующий раз закину, – уверял Стрелок.

Но это накапливалось, а в следующий раз он как-то не торопился закидывать в ответ, купить попить.

Ещё один вид претензии можно охарактеризовать как – девушки.

Стрелок своей внешностью умело пользовался и нас учил, что и как делать. Именно Стрелок свёл меня с Катей. И вроде хорошее умение, но со временем это стало напрягать. Часто от него исходили настойчивые просьбы погулять где-то:

– Ну я просто девчонку сюда хочу привести. Ну понимаете же.

И нам вчетвером по полночи приходилось где-то шляться. Удобно ли это? Ему, конечно, это головная боль четырёх лохов – пусть они думают, чем себя на это время занять, а мне-то хорошо. И вообще неважно, хотят ли они спать, рано ли им утром на учёбу вставать.

Позже мы разгадали, как на него девушки клюют. Помимо природы, одарившей его внешностью, трагичный жизненный случай подкинул ему козырь. Дело в том, что его папу убили. И он запирался с девушкой в комнате и рассказывал эту историю, пуская себе и ей слёзы. Какая

девушка устоит? Красивый парень плачет и рассказывает такую печальную историю – так и хочется его обнять.

Он и нам в первый же вечер это рассказал, мы, конечно же, сказали, что нам очень жаль. Но в один из вечеров мы впятером сидели в гостиной, что-то болтали, рассказывали о своих родителях. В один момент я спрашиваю:

– Стрелок, а твой папа кем работает?

Он опустил грустные глаза и, чуть ли не плача, сказал:

– У меня папа умер.

В тот момент, конечно, было неловко. Но я спросил про это не с целью сделать ему больно, чтобы как-то поглумиться над ним – всё куда проще. Просто он историю про папу рассказывал нам практически каждый вечер, и в один момент это превратилось в белый шум. Когда рассказываешь одно и то же, это уже не впечатляет, а превращается в бытовую деталь, и это легко может вылететь из головы во время разговора. Скажу так: если у него нет уважения к этому, если трагедия стала способом клеить девушек, то почему я должен с вниманием относиться к его истории?

Девушек он тоже мог менять с лёгкостью. Была одна – познакомились, начали встречаться. Но потом на горизонте появилась другая: милая блондинка с выразительными голубыми глазами, такая скромная и добрая. Назовём её Алиса.

Назар нам рассказал, как Стрелок весь вечер по кругу включал одну и ту же песню про любовь и томно вздыхал, глядя в окно:

– Братан, у Алисы такие красивые глаза.

– А как же твоя девушка? – интересовался Назар.

– Не знаю, братан, но у Алисы такие красивые глаза.

– Понятно. Но может, ты поставишь другую песню? А то уже в шестой раз играет.

– Братан, у Алисы такие красивые глаза.

– Хорошо, но я спать хочу.

– Братан, у Алисы такие красивые глаза.

С Алисой он встречаться всё-таки начал, но потом появилась другая, и он порвал с Алисой, сказав:

– Я тебя очень люблю. Но Макс не одобряет то, что ты не мусульманка.

Когда мы об этом услышали, мы подумали: а при чём тут вообще Макс? Ну этот Макс и конченный.

Но позже сам Макс нам рассказал, что вообще никогда такого Стрелку не говорил – ему не было дела, с кем он встречается.

Накопив эти претензии, мы решили, что со Стрелком нужно поговорить, и желательно так, чтобы он от нас съехал. Но мы не знали, как это можно преподнести и не обидеть его. Но позже решили, что это не наша проблема, если он обидится, – главное сказать. Мы отрепетировали речь, договорились между собой, что жалеть его не будем и будем вежливо, но твёрдо стоять на своём.

Мы вчетвером отменили все дела, сели в гостиной и просто ждали. Было неизвестно, во сколько Стрелок придёт. В итоге он пришёл и сказал:

– Пацаны, вы не обидитесь, если я перееду?

Мы друг с другом переглянулись и за один раз умудрились перетащить все его вещи в другую комнату.

Но в новой комнате он тоже надолго не задержался – мы слышали, что он носил чужие носки. И как раз та история с Максом и стала условием съехать от них.

История про кровать

После того как Стрелок от нас съехал, в нашей общажной жизни появился Индеец. Я его так зову не с целью как-то оскорбить – просто если его имя перевести с казахского на русский, то получится идеальное имя американского индейца, что-то типа «Вождь Пурпурный Волк».

Ламар сразу же застолбил бывшую кровать Стрелка. Дело в том, что его прежняя кровать была на втором ярусе, прямо под кондиционером. Мне же всегда было холодно, и я на ночь включал тёплый режим, и Ламар под одеялом там жарился. Утром, откидывая одеяло, он был всегда мокрым, и сразу же был слышен бомжеватый запах.

Индеец же поставил нам условие: поменять расположение верхней кровати, чтобы кондиционер его не жарил, или же он не будет с нами жить. Стоял выбор: либо Стрелок не сможет съехать, либо идти на условие Индейца. Его условие мы выполнили. Смогу ли объяснить правильно… верхняя кровать стояла на деревянных штырях. Мы эти штыри оторвали из пола и просто поставили кровать у другой стены. Но зафиксировать эти штыри мы не смогли, и поэтому кровать шаталась. Но Индейцу сказали:

– Пойдёт.

Индеец был казахом-южанином. Казахи-южане, особенно из деревень, сильно отличаются от северян. Зачастую они плохо понимают по-русски, но их казахский – не тот, что учат в школе. Я учился в школе одиннадцать лет на казахском языке, но особенности южного говора и диалекта я не понимаю. Я могу сказать, что речь Индейца напоминала мне рык. И можно сослаться, что я плохо знаю язык, но и Ламар, и Джонни не понимали, что он говорит.

Часто Индеец пытался что-то объяснить – мы не понимали и просили объяснить по-русски, но и по-русски мы его не понимали, и тогда говорили:

– Объясни на казахском, но только нормально, чтобы мы поняли.

Иногда, когда была возможность, он звал друга-южанина, который хорошо говорил по-русски, и его друг нам переводил.

Для стороннего наблюдателя может сложиться впечатление, что северяне и южане отличаются по языку: северянин говорит по-русски и обрусевший, а южанин понимает только казахскую речь и менее цивилизован. Но всё не так просто. Отличия формировались веками, и разница – в самой модели и философии жизни.

Они всегда были осёдлыми, а мы – кочевыми. Не знаю как именно, но это очень влияет на менталитет.

Говорят, что южане хитрые, доверять им нельзя. Но они скорее хорошие торгаши – всегда увидят выгоду в свою сторону и смогут за неё сторговаться. Чтобы хорошо торговаться, нужен навык и прирождённая харизма, и зачастую они её имеют. Этот момент можно даже объяснить древней историей: Великий Шёлковый путь проходил именно через территории южных регионов современного Казахстана.

Ещё один момент – южанин может себе позволить не париться и ходить, как говорится, «на рахате». И иногда это доходит до абсурда. Так сложилось, опять-таки, из-за осёдлости – не нужно пытаться просчитать любую мелочь, можно просто плыть по течению. А что же может случиться?

Отношение к вере разное. Ислам на их земли пришёл раньше и учили его более основательно. Нашим же северным предкам было не до этого во время кочевого перехода, и у нас по сей день сильное влияние имеют старые языческие обряды. Да, мы вроде как номинальные мусульмане, свинину вроде как нельзя есть, но не то чтобы строго за этим следят.

Я не знаю, это хитрость или Индеец просто клептоман, но в какой-то момент в комнате стали появляться разные вещи. Однажды на столе в гостиной я увидел одну перчатку – и мало того, что она была без пары, так на ней двух пальцев не было. Я голову ломал: зачем нужна

такая перчатка? Зимой в ней холодно, так ещё и одна. И чья она вообще? Я спросил у Назара, у Ламара, у Джонни – они ответили, что в глаза впервые её видят. Ждали вечера, чтобы спросить за перчатку у Индейца.

– А, перчатка! Из бильярда принёс, – объявил он.

– А зачем она тебе нужна?

– Не знаю, – крутил он её в руках.

Но иногда дома появлялись и полезные вещи. Например, крышка от какой-то кастрюли – мы потом до самого отъезда накрывали ей сковородку, долго нам эта крышка служила. Потом перед Новым годом Индеец притащил гирлянды – настроение стало более праздничным.

Мы как-то сначала стеснялись спросить у него, у кого и как он эти вещи берёт. Мало ли ворует? Но когда всяких вещей в комнате стало очень много, всё-таки решили поговорить.

– А, я у Бахи их беру.

– А он чё, не против? – уточнили мы.

– А да, он в компьютер играет. Я захожу и говорю: «Я это забираю», – а Баха кивает.

Это объяснение нас хоть немного, но успокоило.

Ещё у Индейца, видимо, был очень строгий отец, потому что Индеец каждый вечер по телефону сдавал подробный отчёт прожитого дня: что учил, что ел и так далее. Ещё и во время звонка показывал тетради с иероглифами, будто отец что-то поймёт. А мало ли – может, и понимал. Но на балконе он заседал подолгу – по часа два-три мог говорить.

Стоит сказать, что институт в Китае – это как у нас ПТУ. И многие сильно разочаровались, узнав, что они получат тут только среднее-специальное образование. Но Индеец не обломался, потому что на учёбу он приехал после девятого класса. Может поэтому его отец так строго за ним следил. Мы тоже пытались относиться к нему без злобы. Шутить – шутили над ним, но за собой не тащили, зачем ему с нами? Пусть лучше учится.

А учился он много, вечно пропадал в библиотеке.

– Где был?

– В библиотеке.

– Куда ходил?

– В библиотеку.

В библиотеке он натурально жил, иногда даже возвращался поздней ночью. Однажды мы решили за ним проследить – а то мало ли, может по бабам ходит, а нам врёт. Ну не может быть такого, чтобы молодой парень находился всё время там. Мы поделили время на дежурства и торчали в этой библиотеке целый день поочерёдно. И действительно – он всё время торчал там.

Но в то же время он любил нас поучать: мол, так говорить неправильно, а правильно – так. Нас это раздражало, и мы часто прикалывались:

– А ну-ка скажи ей это, ты же лучше нас знаешь. А поговори с ним – мы просто тупые, не знаем.

Но говорил он по-китайски плохо, потому что снова из рта лился поток рычанья. Да и учить язык только по книжкам не очень хорошо. Да, мы, наверно, за год в библиотеке провели меньше времени, чем он за один день, но мы учили язык на практике, разговаривая с людьми.

Пару недель он спал на кровати, которую мы переставили, но она ужасно шаталась. А под кроватью Индейца стояла кровать Джонни, и он периодически нам говорил, что боится, что пока он будет спать, эта кровать упадёт на него. Однажды почти так и произошло: мы с Назаром что-то бесились в комнате, и кровать вместе с Индейцем полетела вниз, благо Джонни успел вскочить и толкнуть кровать обратно к стене.

Кровать мы разобрали, и Индеец спал той ночью в зале на стульях. Индеец тогда нам поставил жёсткое условие: чтобы мы починили его кровать завтра же. Мы восприняли это серьёзно и после обеда следующего дня пошли в строительный, где купили огромные гвозди. Решили установить кровать на её прежнее место, прибив штыри к двум другим кроватям. Пока

вбивали гвозди, гадали: а что, если заведующий захочет сделать перестановку? Ну перестановки больше не получится – потому что три кровати были намертво соединены и двигать что-либо стало невозможно.

Но тут же всплыла старая проблема – кондиционер. Я снова делал так, что теперь уже Индеец по ночам варился в собственном соку.

Одним из вечеров я пришёл с холодной улицы в холодную комнату. Пульта от кондиционера я нигде не нашёл и сразу понял, что пульт спрятал Индеец. Но на мои расспросы Индеец отвечал, что ничего не прятал и ничего не знает. В итоге я долбил его час с вопросом, где пульт.

– На коробке, – говорит он.

У меня под кроватью была коробка из-под обуви. Я глянул – а пульта нет.

– Ты чё, скотина, дурака из меня делаешь? – стал злиться я.

В этот момент Джонни начал хохотать.

– Ты разве ещё не понял, что если он говорит «на» коробке, то значит, что пульт «в» коробке?

И действительно – пульт был в коробке.

Меня это взбесило сильнее, и я начал орать:

– Слышь, колхозник, ни одного языка толком не знаешь! Учись говорить! Это же невозможно! Если что-то спросить у тебя, так запутаешь же сильнее.

Он всё это время лежал на кровати со спокойным лицом и просто на меня смотрел, не перебивал. Потом, когда я договорил, он привстал и на казахском прорычал:

– Сам казах, а по-казахски не понимаешь – человек нетрадиционной сексуальной ориентации.

Я честно этот ответ проглотил, ибо ответить ему было нечего. А что ответить-то? Со своей колокольни он тоже прав. Стоит перед ним человек и пытается унижать за диалект, на котором он с рождения говорит. Я бы такой спокойный ответ выдать не смог бы в его ситуации – и сохранять такое спокойное выражение лица.

Как-то так получилось, что мы забыли поздравить Индейца с днём рождения – хотя помнили о нём. Периодически друг другу напоминали: мол, поздравить бы надо. Но в сам день его рождения забыли. После этого Индеец прям не скрывал своей обиды, но напрямую ничего не говорил, хотя мы спрашивали:

– Что произошло-то?

– Ничего, – грубо отвечал он.

Через пару дней мы поняли, в чём дело, и между собой начали смеяться. Заходим в общагу, и Назар орёт на всю округу:

– Мы-то этого идиота забыли с днём рождения поздравить!

А идиот был в этот момент в комнате.

На следующий год мы снова не поздравили его – ковид, мать его.

Первые каникулы

Перед китайским Новым годом начались каникулы. Я домой решил не ехать – как-то посчитал, что игра не стоит свеч. Три недели, из них я несколько дней проведу в дороге, толком не успею прочувствовать домашний уют и снова пару дней проведу в обратной дороге. Я прям как рядовой Вакутагин, у которого путь домой в тундру и обратно занимал две недели. Решил тогда, что оставлю эту радость на лето – там уж два месяца времени будет.

Из нашей комнаты остались только я и Ламар. Но мы попросили всех остальных друзей что-то привезти. Мама сказала, что через Джонни что-то передаст. Я попросил Индейца привезти курт – ну, потому что он деревенский, и скорее всего этого у него там навалом.

Я не помню, что я делал конкретно, но помню, что было скучно. Просто я сбил режим сна – ложился в 11–12 утра, просыпался в 8 вечера и всю ночь не спал. А ночью в Китае делать практически нечего – никуда не пойти, всё закрыто. Ламар тоже сбил режим, но у нас была разница в несколько часов, и так получилось, что в одно и то же время мы бодрствовали часа три. За эти три часа мы обычно старались быстро выбраться на улицу и закупиться едой перед ночью, пока всё не закрылось.

По ночам я просто смотрел кино, фильм за фильмом – а делать было больше нечего, практически все из общаги разъехались. Я помню, у меня было ощущение, как у персонажей «Апокалипсиса сегодня» в сцене про дальний пост, где солдаты армии США сидели вдалеке от всех и просто тухли под дождём.

Помню ещё, что китайцы отмечали свой Новый год. Наш Новый год месяцем ранее мы отметили скромно: завалились к девчонкам, они приготовили всяких вкусностей, мы до утра посидели и разошлись. Не было эпичных новогодних историй – просто могу сказать, что хорошо отметили. Китайцы же свой Новый год отмечают с размахом, в частности по пиротехнике. В один из вечеров стало грохотать, к ночи грохот усилился в разы. Мы тогда с Ламаром стояли на балконе, наблюдали за дальними вспышками света. В один момент я заметил:

– Слушай, а может, война началась? А мы просто об этом не знаем.

Канонада продолжалась ещё целый день, не стихая ни на минуту. Я уже стал с ума сходить от грохота.

Потом помню, как пытался восстановить режим сна – меня стало беспокоить, что ложусь спать, когда уже светло, а просыпаюсь в темноте. Я пытался ложиться раньше, ну часов в семь утра, и так постепенно выйти на нормальные часы – но не получилось. Тогда попробовал, наоборот, не спать целый день и лечь в нормальное время. В первый день я опять уснул. На следующий понял, что лежать на кровати нельзя – уснёшь. Поэтому я вышел в гостиную, сел за стол и начал читать. Буквы расплывались, и я не заметил, как уснул прямо за столом. Опять не сработало. На третий день решил провести время на улице – ну, во время ходьбы я точно не усну. В тот день шёл моросящий дождь. Я наблюдал за мимо проходящими людьми, за машинами – в общем, пытался заострять на чём-то внимание, чтобы мозг не плыл. Я походил по одной улице, походил по такой же, но другой – в том районе все улицы абсолютно одинаковые. Зашёл в торговый центр. Вроде много времени потратил, но оказалось – прошло всего два часа. В один момент устал ходить и решил присесть на скамейку под навесом – ну и уснул. Проснулся только вечером и сразу же осмотрел карманы. Китайцы молодцы – ничего не украли. Но опять не получилось не спать, и поэтому я снова всю ночь смотрел кино. Но сон сам как-то восстановился в ночь перед первым учебным днём второго семестра – сам не заметил, как уснул.

За те каникулы я один раз сходил в клуб – но какой это был поход, на всю жизнь запомнил. Но об этом – в следующей главе.

О тех каникулах я только запомнил, как маялся без дела и засыпал, когда уже было светло.

Как мы с Рыжим Динь Вэя нянчили

В прошлой главе я писал, что на каникулах было скучно. В основном я по ночам смотрел фильмы и больше ничего не делал. В один из дней я пересёкся с Рыжим, мы немного поболтали на улице. Жаловались друг другу, что скучно, что мало кто тут остался с нами. Он предложил ночью в клуб съездить – развлечься. Я, честно, был не против – хоть что-то новое помимо просмотра американских и российских киноновинок. К зиме мы уже редко туда ездили, как-то успокоились, а на первых порах – то каждые выходные, иногда и среди недели.

На выходе из общаги нас, к нашему сожалению, увидел Динь Вэй.

– О, а вы куда? – спрашивает он.

– В магазин, – отвечаю я.

– Да не, мы в клуб, – говорит Рыжий.

– О, я с вами.

Я начал шипеть Рыжему: мол, зачем он это сказал, нафига нам его с собой брать? Просто к тому моменту Динь Вэя лично я уже избегал.

Не знаю даже, как подступиться к этой истории. Тогда она мне казалась очень смешной, сейчас уже даже не знаю.

Сели мы в такси, и по пути Динь Вэй расспрашивал, как у меня дела, как семья. Может, он чувствовал, что он мне не нравится, и таким образом пытался затмить неловкость. Я ответил, что у меня всё нормально, и добавил:

– Слушай, Динь Вэй, мы туда едем чисто развеяться. Максимум по пиву вдарим и обратно поедем. Ты ведь тоже?

Он заверил, что всё будет хорошо, что пить он не собирается, ну, тоже по пиву чисто символически.

Поверил ли я ему тогда? Нет, конечно. Но если бы знал, что будет происходить той ночью, то остановил бы такси и вышел.

В клубе мы разошлись, я встретился с Лерой. Она там работала.

Мне тоже однажды предлагали там работать, что странно, ибо в основном туда приглашали русских или украинцев – в общем, тех, кто точно выглядит как иностранец. Но мне почему-то тоже предложили однажды, даже не знаю, в чём причина. Но я отказался – посчитал, что такое не для меня. А работа заключалась в том, чтобы просто тусоваться. Чтобы люди видели, что в клубе весело, ещё и иностранцев много, а для китайца это показатель хорошего места.

Я потанцевал, действительно выпил немного пива и готов был ехать домой. Лера предложила немного её подождать и поехать вместе, и я прикинул, что приятнее будет ехать с ней, ибо Динь Вэй уже напился. Я поглядывал время от времени на него – да, он выпил пару бутылок пива и перешёл на виски. На тот момент ничего ужасного, но я подошёл к Рыжему и сказал, что я уезжаю. Рыжий воспринял перспективу ехать один на один с Динь Вэем не особо радужно и пытался давить, мол: «Мы с первого курса вместе, и за всё, что мы делаем, отвечаем тоже вместе. Бригада». Но я уехал.

По приезду в институт я постоял немного с Лерой под общагой, немного поболтали и разошлись. И только я лёг в постель, мне звонит Рыжий, говорит, что они приехали в институт, но Динь Вэй не хочет заходить в общагу, мол, помоги. Ну что делать? Я и так его бросил там, тут надо выйти ради приличия.

За забором Динь Вэй бегал по улице и говорил, что он обратно в клуб. Я его нагнал и сказал:

– Что, не натусовался? А ну марш в люлю.

Он стал говорить, что забыл там куртку, а я смотрю – действительно бегает в одном тонком свитере.

– Да Бог с твоей курткой, завтра заберёшь.

– Ты не понимаешь, – отвечает он. – Там у меня в куртке важные вещи, без которых мне не жить.

После этого Динь Вэй стал натурально реветь.

– У меня просто мама раком болеет, умирает. А в куртке кошелёк, а в кошельке карта, где деньги на лечение.

Я думал: мол, зачем ты вообще её с собой туда взял, но парня жалко – мать это святое.

Пока я выслушивал о трудностях Динь Вэйской жизни, оказывается, Рыжий вызвонил его соседа, который тоже подтянулся вниз. Сосед на него сразу же налетел, а Динь Вэй стал ему рассказывать про куртку и реветь. Но важная деталь – соседу про маму, про карту и деньги не рассказывал, а просто про куртку, и сосед отвечал, что ему эта куртка до одного места. Потом сосед обратился к нам с Рыжим: мол, съездите с ним, заберите куртку.

– Я бы с вами поехал, только я сейчас с девчонкой.

А встречался он, к слову, с той Катей, с которой я летел в самолёте и которая первое время мне нравилась. Я писал уже об этом, что ей нужны такие сахарные мальчики – все из себя милые, а не такие хулиганы, как я. А сосед как раз был таким, милым мальчиком. Они, насколько я знаю, до сих пор вместе, хотя столько лет прошло.

В такси по дороге в клуб я сказал, что помню, куда Динь Вэй куртку положил, поэтому:

– Вы, пацаны, из машины вообще не выходите, я за курткой сбегаю и обратно.

Рыжий сказал, что понял, но Динь Вэй же всю дорогу канючил, что он лох, что с ним никто не общается:

– Но вы, пацаны, прекрасны, я вам буду обязан.

В первый раз мы с Рыжим сказали: мол, не заморачивайся ты так, с кем не бывает. Но Динь Вэй начал по второму кругу это говорить, поэтому я просто надел наушники, чтобы это не слышать.

По приезду на место я выскочил из такси и побежал за его курткой. Куртку-то я нашёл, но решил проверить наличие кошелька – а его нет. Я стал смотреть под столами – нигде кошелька не было. Тут я позвонил его соседу, подумал: мало ли, может, дома его всё-таки оставил.

– Он свой кошелёк потерял пару недель назад. Его родители мне на карту деньги присылают.

И тут я понимаю, что Динь Вэй нас просто обманул и что про рак мамы он скорее всего тоже наврал.

Пока я стоял и осознавал то, что мы просто так приехали, что я мог уже спать, меня за плечо стал дёргать Рыжий.

– Я же сказал сидеть в такси, – кричу я.

– У нас проблема, – отвечает Рыжий и показывает пальцем в сторону, на Динь Вэя, который стоит на сцене и танцует.

Я взял его за шкирку и повёл к чёрному ходу. Он не особо сопротивлялся, но сказал, что хочет в туалет. Пока он делал свои дела, я у заднего входа заметил охранника – огромного китайца – и у меня родилась идея.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался я. – У меня проблема – приятель не желает домой ехать. Может, вы поможете?

Он кивнул и пошёл к туалету. В открытую дверь открылась следующая картина – Динь Вэй мочится на всё вокруг, но не в унитаз. Охранник это увидев, вызвал кого-то по рации, и его взяли под локти и вывели. У заднего входа он встал на колени и стал умолять пустить его внутрь.

– Может, вы его вырубите? И мы домой поедем, – предлагаю я и жестом показываю.

Охранник рассмеялся и сказал, что бить кого-то не имеет права, может только вызвать милицию. Я сказал, что милиции не надо, сами разберёмся, и толкнул Динь Вэя в плечо:

– Вперёд, я сказал, живо!

Динь Вэй вроде шёл спокойно какое-то время, но, подходя к главному входу, стал рычать и куда-то бежать. У главного входа его встретил другой охранник и остановил. Я подумал: может, с этим прокатит, и снова попросил крови. Охранник уточняет, показывая на Динь Вэя пальцем, мол, его надо утихомирить. Пока я ответил:

– Да.

Произошло неожиданное. Рыжий Динь Вэю в челюсть как хлоп. Я даже не успел охраннику ответить, а Динь Вэй упал как мешок.

Охранник с этого дела просто посмеялся и пожелал нам удачи.

Пока Рыжий тащил его в такси, мимо проезжал какой-то англоговорящий парень на велосипеде – он видел издалека, как Рыжий накинул ему.

Этот велосипедист спросил:

– А вы русские?

– Нет.

– А зачем вы его били?

– Потому что он напился.

– Не дай бог я с русскими когда-нибудь пить сяду, – ответил он и поехал дальше.

Когда мы снова вернулись в институт, Динь Вэй всячески не хотел идти в общагу, но почему-то Рыжему было очень важно, чтобы Динь Вэй спал этой ночью в кровати. Я же сказал:

– Да и хрен с ним. Что мы с ним нянчимся? Человек старше нас, сам разберётся. Ещё и наврал нам.

В итоге мы его бросили в кустах. Не знаю, где он той ночью ночевал и что делал, но моему сну это никак не помешало.

По поводу того, что он рассказывал историю про маму – тогда я её слышал впервые, и поэтому как-то хотел помочь человеку. Но Динь Вэй, оказывается, под алкоголем всегда начинал рассказывать истории, что его братишка умер, что кто-то серьёзно болен и тому подобное. Я даже услышал от его соседа издёвку, мол:

– Динь Вэй, ты своего братишку уже в третий раз за месяц хоронишь.

На этом я закончу повествование об этом человеке – мне кажется, я рассказал о нём достаточно, чтобы продемонстрировать, как запойный образ жизни меняет человека. Всё начиналось вроде безобидно и забавно, а дошло до того, что он стал ходить как бомж, в куртке с размазанными соплями и прикрываться выдуманными трагическими историями, чтобы его как-то пожалели или поддержали. И эта история, что я вам поведал ещё не самая жёсткая в которую он попадал, но рассказать о них самоцензура не позволяет.

Сейчас, спустя почти десять лет с тех событий, я увидел такую деталь, прямо пока писал этот текст. А может, его сосед – серый кардинал и двигатель всей этой истории? Может, Динь Вэй не хотел идти в общагу, потому что его сосед был с девушкой и он не хотел ему мешать? И поэтому всеми правдами и неправдами пытался затащить нас обратно?

Таджики найдут всё

Конечно, до встречи с ними я их представлял такими, как их показывают в российских фильмах. Если это комедия, то обязательно это смешной, малообразованный гастарбайтер. Ещё время от времени просачиваются криминальные сводки с их участием. В России их не любят: мол, понаехали, свой Таджикистан везут к нам. В Казахстане такой проблемы можно сказать нет, но близость с Россией этот стереотип перекинул и к нам. Хотя Джонни – таджик, и он не походил на этот стереотип. Мы учились с ним в классе, и часто его ставили нам в пример как очень трудолюбивого и умного человека.

В Китае учились ребята из Таджикистана. Да, с первого взгляда они были забавными: забавно говорили, называли друг друга тиграми, забавно друг друга стригли, забавно одевались. Они любили «флексить» на мопедах – у каждого уважающего себя таджика там был мопед.

Таджики в нашем институте проявили себя с очень интересной стороны. Они всегда охотно делились советами с новоприбывшими. Меня же, настроившегося на дедовщину, это приятно удивило. Вообще все второкурсники охотно желали помочь адаптироваться и показать округу. Это когда мы уже стали второкурсниками, ввели некоторые элементы дедовщины.

Назар и Ламар заинтересовались покупкой мопеда. И мне предложили купить с ними вскладчину, но я посчитал, что такой агрегат мне не нужен. Но за информацией о мопеде мы сразу пошли к таджикам.

Главным среди таджиков был парень Абдуллоджон – ещё один Джонни. Он сказал, что его друг продаёт мопед. Я, Ламар и Назар пошли смотреть. С виду агрегат был хорошим, не бит, с электродвигателем – что удобно: на территории института была зарядная станция. Пацаны с радостью купили мопед.

Ещё помню, как таджик – назовём его Бободжон – показывал мне, как заказывать вещи с «Таобао». На «Таобао» можно найти всё, что угодно. Мне на тот момент это показалось очень сложным, но я присмотрел себе там ботинки, как у американских рабочих или заключённых колоний из старых фильмов. Он заказал, но я переоценил размер своей стопы, и Бободжон помог мне оформить возврат и заказать новые. Я эти ботинки потом носил четыре года, практически постоянно. И цену до сих пор помню – 167 юаней. Для своей цены ботинки просто отличные.

Как-то раз нам стало интересно посмотреть на китайский базар. Мы, конечно же, пошли к Абдуллоджону. Мы рассчитывали просто получить инструкцию, как туда добраться, но Абдуллоджон не впервые предпочёл не просто сказать, а провести нас туда. Мы сели на мопеды и отправились. На базаре Абдуллоджон, как представитель южного народа, умело торговался. Я тогда купил себе перчатки за 10 юаней – очень хорошие перчатки, из такого приятного материала, но, к сожалению, через пару месяцев я их потерял. Мы ещё походили по базару, и Абдуллоджон сказал, что у него дела и он поедет, потому что опаздывает. Мы тогда с Назаром между собой заметили, что у него были дела, но он всё равно поехал с нами.

На обратной дороге я захотел управлять мопедом. Назар предостерегал, что движение на дорогах активное.

– Давай на спокойной улице дам.

Но я хотел сейчас и выпросил дать мне управление. Я не умел тормозить – хотя что уметь-то? Зажал рычаг – и тормозишь. Но я боялся, что при торможении потеряю равновесие и мы свалимся на бок. Из-за этого страха я на одном из перекрёстков проскочил на красный, и машина проехала мимо нас, чуть не задев. Если бы на секунду позже въехали на перекрёсток, то сбили бы нас. Назар тогда начал кричать и назвал меня словом на букву «Д», сказал тормозить и отдать ему мопед.

Как-то вечером мы сидели в общаге, скучали и думали, чем можно заняться. Кто-то предложил покурить кальян, и мы, конечно же, сразу пошли к таджикам – потому что у них всё есть. Бободжон принёс кальян к нам, всё подготовил и ушёл. Мы говорили ему, что если он хочет, может с нами посидеть, но он сказал, что не хочет нам мешать.

Таджики всегда разрешали конфликты. Однажды была какая-то история: парень-киргиз встретил на улице своего односельчанина, а раньше у них был конфликт – они встретились в Китае и продолжили ругаться. Ор стоял на улице, и мы пошли туда поглазеть. Они не дрались, а просто ругались – просто в Китае драться нельзя, по камерам сразу увидят. Позже вышел Абдуллоджон и сказал:

– Вы же с одной деревни, встретились так далеко от дома – должны наоборот руки друг другу пожать. А если из окна сейчас украинцы или казахи увидят вас, сразу поймут, что вас по одному можно щёлкать.

Однажды Абдуллоджон помог и мне решить проблему с другим таджиком, но это было на втором курсе, и поэтому расскажу потом.

О Джинне

Джинн для меня – это персонаж из «Алладина». А также марка семечек. Но так как Ламар, Назар и Джонни – люди верующие, то Джинн для них нечто другое.

В конце первого курса стала ходить история, что по общаге стал ходить Джинн и вселяться в людей. Я, конечно же, воспринял эту историю как бред какой-то, но мои друзья напряглись. Особенно этот Демон был силён на последнем, пятнадцатом этаже общаги, где никто не жил. По словам очевидцев, когда туда поднимаешься, слышны всякие звуки и хочется спрыгнуть вниз.

Так как тогда я был неверующим, то просто смеялся с этого. Сейчас я верую в Бога, но всё равно подобные истории воспринимаю как страшилки для маленьких. Не зря говорят: «Веруешь в Бога – веруй и в Дьявола». Я хоть до сих пор не особо подкован в слове Божьем, но понимаю, что Дьявол – не какой-то дух, который вселяется в человека и заставляет творить разное. Дьявол – искуситель. Например, Динь Вэй погряз в пьянке. Меня в будущем он искушал яростью в сторону других людей. И я, и Динь Вэй расплачивались за это. Он – здоровьем физическим и местом в обществе, я – здоровьем психическим. Я подробнее расскажу о том, как пришёл к вере, но потом. Но тогда случился такой случай:

Был обычный вечер. Я лежал в постели, смотрел какой-то фильм. Остальные занимались своими вечерними делами. И тут настойчивый стук в дверь – кто-то прям долбился.

– Там такое, Джинн вселился, идёмте! – парень был очень взволнован.

Назар выбежал в тапках, я же решил пойти за ним – ну просто интересно стало.

На лестнице Назар расспрашивал паренька, что и как произошло, и волнение парня быстро передалось и Назару.

Пришли мы в комнату и вижу такую картину: к кровати был привязан парень, он рычал и визжал. Над ним стоял другой и читал молитвы. Третий что-то стоял и махал полотенцем. Парень, в которого вселился Демон, рычал, что ему тысячи лет и тому подобное.

Я, увидев это, рассмеялся и стал хлопать.

– Браво, браво! Хорошее представление.

Но окружающие не разделяли моего настроения. Они прям серьёзно пытались изгнать Демона. Назар стоял рядом со мной и повторял «Бисмилля».

Вскоре мы ушли, и я так и не понял, получилось ли изгнать его. Но той ночью никто не мог уснуть – мы просидели в гостиной практически до утра. Назар рассказывал, вот, что это всё правда, и что Демон вселяется в тех, кто не чистоплотен, поэтому надо чаще убираться в комнате. Ещё в тех, кто много матерится. Я же в обычном разговоре с друзьями матерюсь много, зачастую даже не замечая этого, используя слова на «б», «н» и «ё» в качестве запятых.

Назар добавил:

– Вот, ты в зоне риска.

– Да ё-моё, ты два и два сложить не можешь, – ответил я. – Надо убираться, не материться. Да скорее всего раньше взрослые это придумали, чтобы детей научить за порядком следить и не использовать бранных слов. Ребёнок поверит и бояться будет.

Вообще, может, это было и не театральное представление. Скорее всего, тот парень действительно верил, что в него кто-то вселился. Но я объясняю это внушением. Люди с неустойчивой психикой подвержены верить в подобное, накручивать себя – вот и случается такое. А тот парень действительно был странным.

Вообще время от времени происходили истории, соприкасающиеся со страшным. Например, я хорошо общался с Лерой. А в неё был влюблён один украинец. Этот украинец думал, что мы с ней встречаемся. Мы однажды с Назаром ночью вышли в магазин и встретили этого украинца. Он был пьян, обнял меня и сказал:

– Береги её.

И прочее. Я не стал этому пьяному телу объяснять, что он заблуждается, и просто сказал:

– Да-да. Хорошо.

И мы пошли дальше. Потом мы услышали историю, что этот украинец той ночью попытался покончить с собой. И тут даже дело не в безответной любви – просто парень допился до такого состояния и словил белку. Вот очередной Дьявол-искуситель, чуть до трагедии не довёл. Благо его соседи смогли это предотвратить.

Перемены в стране

20 марта 2019 года произошло историческое событие: президент Казахстана Нурсултан Назарбаев ушёл в отставку. Напомню, что пост главы государства он занимал с 1989 года.

Моё личное отношение к нему было разным. Тогда, когда я был подростком, многие его ругали – и ругали зачастую справедливо. Я тоже считал его плохим президентом: мол, засиделся, нам нужен новый человек, более демократичный, а его и так никто не выбирает – выборы фальсифицируют. Между собой как-то не принято было говорить о нём хорошо.

20 марта началось как обычно. Мы сходили на уроки, пообедали, ещё посидели на уроках и вернулись в общагу отдыхать. К вечеру уже услышали новость – и в тот момент почему-то не было радости, хотя мечтали, что президент сменится. Тогда мы подумали: «А что дальше? Как же мы без него?». И тут дело не в раболепии, мол, нет другого человека кроме него, – просто в тот день закончилась целая эпоха. Мы родились при нём, при нём пошли в школу и школу окончили. Мы привыкли видеть всюду его лик. Он поздравлял нас с Новым годом. Он был с нами и в горести, и в радости. При нём в стране происходило и хорошее, и плохое. Всё-таки именно он основал нашу государственность. А кто теперь будет новым? Просто как бы человек не хотел перемен, а новое принять страшно.

Потом новый президент выступил с инициативой переименовать столицу именем первого президента. Мы тогда думали: забавно – улетали из Астаны, а вернёмся в Нур-Султан.

Тогда, конечно, фыркали: мол, культ личности, столица будет носить его имя. Но сейчас я считаю (в 2022 году столице вернули прежнее имя), будет логично, если столица будет названа в честь него. Просто если сравнить Акмолу и Астану – месторасположение одно, а города совершенно разные. И тот вид, что он имеет сейчас, – это именно его заслуга, по его проекту там многое делалось. И давайте не забывать: столица США тоже носит имя первого президента. Там это тоже культ личности?

О велосипедах

Когда уже потеплело, мы открыли для себя велосипеды. Там их много на улице – нужно просто отсканировать QR и катайся, оплатишь потом, когда закроешь замок. По цене я уже точно не помню, но помню, что это развлечение недорогое. Велосипеды нам показал Саламандр. В первый раз мы катались по району, поехали в какой-то торговый центр, потом заехали в какой-то двор. Китайские дворы меня впечатлили: там был огромный пруд, а посреди пруда – какая-то величественная позолоченная статуя. Вообще Китай – страна очень зелёная, деревьев там много, они пышные, и можно в жару под ними прятаться. Я сейчас рассматриваю фотографии того времени, и на многих из них основной цвет – тёмно-зелёный.

Мы поднялись на крышу многоэтажки, пофотографировали друг друга на фоне красивого вида города, посмеялись и потом рассуждали, что с девчонкой сюда прийти было бы замечательно – нужно держать на заметке это место. Саламандр тогда всё расспрашивал меня, кто из девчонок мне нравится, кого бы я сюда привёл. Я думал, что с радостью привёл бы сюда одну особенную девушку, но пацанам я этого не рассказал – как-то не люблю на эту тему с людьми делиться. Назар, вот наоборот, очень любил вслух рассуждать о девчонках, но он, видимо, догадывался, кто мне нравится, и её не трогал.

Теперь даже не знаю, что можно ещё рассказать на тему велосипедов. Я представлял эту главу, как буду описывать виды, которые мы видели, но, наверно, важнее – о чём мы говорили, что чувствовали во время поездок.

Мы иногда могли ночами кататься, а утром вернуться в институт и пойти на учёбу. Просто ехали куда глаза глядят и открывали для себя новые районы города. Иногда ставили цель – доехать до определённой точки, а точка могла быть очень далеко: мы утром выезжали и возвращались только ночью. И при этом, во время такого активного действия, успевали поговорить о важном, о планах, посмеяться над чем-то. Однажды мы в поездку взяли девушку, которая нравилась Ламару, и её подруг. Темп с ними, конечно, другой, да и мы специально с Назаром тормозили остальных, чтобы Ламар и та девушка оторвались немного вперёд и побыли наедине.

В общем, хорошее было время, и столько положительных эмоций и драйва дарил нам простой велосипед.

Как мы сдавали экзамен

Первокурсники в конце года обучения языка пишут экзамен на знание китайского – HSK. Всего их шесть уровней, но мы сдавали третий. Экзамен проходил в конце мая или в начале июня, точнее не помню. Мы не особо парились по поводу экзамена и до последнего момента ходили, предпочитая о нём не думать, хотя были такие студенты, что без конца жужжали по этому поводу.

За день до экзамена мы с ребятами, приличия ради, сходили в библиотеку, что-то там почитали и ушли со словами:

– Не сдадим – так и хрен с ним.

В ночь перед экзаменом всё равно было некое напряжённое настроение. В один момент приходит Ламар и говорит:

– Есть ответы.

Как я понимаю, ответы на этот экзамен сливают с самого верха за очень дорого, но по цепочке цена падает: один продал двоим, двое – троим и так далее. Но существует риск купить фантики – на этой теме некие умники умудряются спекулировать и продают неправильные ответы или прошлогодние.

В итоге до нас эти ответы дошли по цене шесть с половиной юаня с носа – на момент 2019 года это приблизительно 65 рублей.

– Да они неправильные, наверно, – сказал Джонни.

– А вдруг правильные, – ответил Ламар.

– А какая разница? – поделился я мнением. – 6,5 юаня стоят. Мы всё равно не обломаемся за такую цену, а вдруг они всё-таки правильные – так вообще круто.

В итоге мы их купили в полной уверенности, что скорее всего покупаем туфту. Потом мы долго думали, как написать шпаргалку так, чтобы её пронести. В итоге я додумался до того, что нацарапал ручкой ответы на чёрный карандаш, с которым буду заходить.

Утром мы проснулись с волнением – знаем всё нормально, но не на отлично, – и всё утро с завистью наблюдали за Индейцем. Мы были уверены, что он сдаст на все 100 баллов, и каждый думал: «Эх, надо было, как он, в библиотеке заседать». Но друг другу старались этого волнения не показывать. Пока шли, строили шуточные планы, что будем делать, если не сдадим, – в общем, пытались как-то друг друга успокоить.

На входе у нас всё забрали, кроме карандашей. Начался экзамен, и первый этап я делал по уму, параллельно сравнивая со своими шпаргалками, соответствуют ли они, – и да, они точно подходили. Следующие этапы я тоже делал сам, но иногда поглядывал на карандаш, когда не был уверен в правильном ответе. Честно, подсмотрел я раза три или четыре за весь экзамен, в основном сам всё делал.

Произошёл такой эпизод: одна из учительниц взяла мой карандаш, чтобы расписаться в документе. Я боялся, что она сейчас увидит нацарапанные ответы и меня выгонят. В итоге – не заметила.

На выходе мы с ребятами встретились, и каждый сказал, что не особо пользовался шпаргалками. Оказалось, что хоть мы и не заседали днями в библиотеке, но знали материал хорошо. Но всё равно потраченных 6,5 юаня было не жалко – мы скорее себе купили успокоение и некую уверенность, что всё закончится хорошо. А это совсем недорого.

Долгая дорога домой

Зимой я домой не ездил, и поэтому весной уже сильно стал скучать по дому. Мы с Ламаром иногда томно вздыхали: «Эх, быстрее бы домой». Дни считали. От китайской еды, от чая, от языка, даже от китайской кока колы стало тошнить. И родители нас тоже ждали – наверно, тоже дни считали.

Возвращаясь домой, обязательно нужно что-то привести с собой. Я купил отцу свитер – я это хорошо помню, потому что каждую зиму он мне говорит, какой же этот свитер тёплый. Что покупал маме, я уже не помню. Ребята интересовались у друг друга, что повезут с собой, и когда они узнали, что я везу подарки только родителям и младшему брату, сказали:

– Так же нельзя. А как же родственники? Обидятся ведь.

Они, в отличие от меня, помнили, что есть двоюродные, троюродные братья, тёти, дяди, их тёти и дяди, бабушки и дедушки, поэтому набрали кучу всего. Даже драконьи фрукты запихивали в чемоданы, чтобы родственники там это попробовали. Мне стало как-то не по себе – ведь я тоже хорошо общаюсь с тётями и дядями, с другими родственниками. Но что им купить? Я вспомнил, что когда родственники ездят куда-то, то привозят нам какие-то конфеты, чай. В общем, не что-то дорогое, а скорее знак внимания – что о нас помнят. И я решил, что детям родственников привезу шоколадок, а тёте – то ли чай, то ли ещё что-то на подобии. Это я уже потом, когда далеко не впервые ехал домой, вообще ничего не вёз – даже родителям. Всё и так можно купить и найти у нас в стране.

Первым уехал Индеец. Я, Ламар, Джонни, Назар и Саламандр решили лететь вместе до Астаны, а оттуда уже разъезжаться по своим городам.

Помню, мы опять полночи не спали, а просыпаться нам рано, но утром как-то без проблем встали.

Приехали на автовокзал, взяли билеты от Яньчэна до Нанкина.

Помню ещё такой эпизод: пока ехали на автобусе до автовокзала, я стоял в окружении стариков. Они смотрели на меня и улыбались, пытались поговорить. Я отвечал немного рублено и неохотно – просто голова была забита предстоящей дорогой. В итоге одна из старушек показывает на деда и спрашивает:

– Как считаешь, сколько ему лет?

Я оглядел его и оглашаю:

– Ну лет шестьдесят.

Они смеются, и старушка говорит, что ему девяносто три.

– Да врёте же.

Тут дед достаёт какой-то документ – и действительно 1925 года рождения. Вообще китайцы выглядят очень молодо – в какой-нибудь из глав расскажу про них.

Автобус до Нанкина был очень комфортный. Он был небольшой, хорошо проветривался – в общем, сильно отличался от того, что я ожидал. На трассах там есть придорожные пункты отдыха, где можно поесть, попить и прочие радости.

Из Нанкина до Пекина долетели без историй и застряли в аэропорту Пекина на сутки.

Аэропорт Пекина огромен – там даже есть внутреннее метро. Пока мы высадились из самолёта, пока сходили в туалет, пока нашли зону ожидания, пока покурили – прошло уже два часа.

Пока курили, к нам подошёл мужик со словами:

– О, ребята, вы русские?

– Русские, – ответили мы.

Он расспрашивал, что мы делаем в Китае и прочее, ещё в добавок вкинул пару слов про Киргизию. Мы подумали, что киргиз, просто по-русски неплохо говорил.

– Не, я китаец. Просто там долгое время работал, – объяснил он.

Поговорив, вернулись в аэропорт, поели и стали искать места, где можно будет наконец присесть. В одном из более-менее свободных рядов сильно воняло китайской водкой, и развалившись на сиденьях спали люди.

– Да ну, нафиг их. Давайте пройдёмте дальше.

Чуть дальше сидели люди с европейскими лицами, и я заявляю:

– Во! Давайте здесь. У этих хоть рожи поприятней.

Стал замечать на себе странные взгляды, а когда начинал смотреть в ответ – эти люди с европейскими лицами сразу отворачивались. И так – пару минут.

«Да что за фигня?» – думал я.

Потом присмотрелся к ним и понял, что это наши, люди из СНГ. Просто одеты они были по-нашему: серые трико, серые спортивки. И глядят так, что понятно стало – они поняли, что я это про их рожи говорил. А потом и мужчина к ним подошёл и заговорил по-русски. Это была семья из Владивостока. Этот мужчина-то не слышал, что я про их рожи говорил, и не мог понять причину напряжения у всех вокруг.

Через время мы с ребятами между собой что-то поговорили, и мужчина из Владивостока заговорил с нами:

– О, ребята, вы тоже русские?

Старушка, видимо его мама, поднимает на меня взгляд и говорит:

– Русские. Вот он – такой комплимент нам замечательный сделал.

После этого напряжение как-то пошло на спад, и мы разговорились. Старушка пожелала нам удачи в учёбе, и они улетели.

Саламандр предложил нам выехать в город, но мы с Ламаром отказались – слишком уж устали.

Нам пришлось спать в аэропорту в зоне ожидания. В аэропорту есть и гостиницы, и я всю ночь мечтал оказаться в номере, спать на удобной кровати – но не оставлю же я Ламара одного.

Спать получалось по несколько минут. Просто сами сиденья не предназначены для сна: некуда ноги положить, половина тела свисает, ещё обязательно кто-то, проходя мимо, заденет тебя.

Как-то раз я проснулся оттого, что кто-то ёрзает по моим ногам. Вскочил и вижу, что какой-то мужик умудрился улечься перпендикулярно и своими грязными строительными ботами марал мне штанину. Я огляделся вокруг – свободных мест полно, а он решил лечь именно рядом со мной. Может, он боялся чего-то, а рядом со мной ему было спокойно?

Оказалось, что этот мужик с ботами – американец, и он настоящий кочевник. Просто потом всё утро пересаживался с места на место: куда-то уйдёт, потом вернётся обратно и сядет рядом со мной. Я, перекусив, зажевал жвачку. Протягиваю жвачку и американцу – он поблагодарил, но отказался, потом снова встал и куда-то ушёл.

Мы сидели рядом с кафе, и там люди были в основном слишком нарядные для аэропорта. Все в деловых костюмах – и азиаты, и чёрные, и белые люди. Я там заметил такую красивую блондинку. Она тоже была одета по-деловому, всё время по телефону говорила. Я глядел на неё, и мне почему-то было стыдно за себя. Мы были одеты по удобному – в трико, в футболки, пахло уже от нас неприятно, головы грязные, ибо уже сутки в дороге. Она по-немецки говорила, я где-то час любовался ей. Представлял, что я тоже красиво одет, что я тоже деловой, и что мы сейчас вместе куда-то полетим.

Потом я встретился ещё с одной немкой, но встреча уже была неприятной. Я отошёл в туалет и вижу: девушка тяжёлый чемодан тащит. Я, как нас и учили, подваливаю к ней и по-английски говорю:

– Давайте я вам помогу.

Она в ответ начала шипеть про феминизм – что я не уважаю женщин, что я считаю их слабыми.

– Ты считаешь, я сама не в состоянии чемодан дотащить? – кричит она.

Я уже ответил по-русски:

– Да пошла ты! Сказала бы просто: «Нет, спасибо!».

А про себя думаю: «И вообще, мы ваших победили в сорок пятом, так что не надо мне тут!»

До вылета оставалось часов восемь, и я нашёл себе развлечение. Я стал просто наблюдать за людьми и гадать: куда они летят, зачем они летят, какова их судьба. В один момент я увидел, как та красивая немка встаёт и уходит в транзитную зону. Я проводил её взглядом и пожалел, что не решился к ней подойти.

Когда Назар, Джонни и Саламандр вернулись, мы прошли в транзитную зону, там поели в ресторане дорого и богато. Платил за всё я, но договорились, что за квартиру в Астане я платить не буду.

В самолёте произошёл рейдерский захват мест. Я, Назар и Саламандр хотели сесть вместе, но талоны были на разные места. В итоге Назар сел рядом и думал: когда придёт человек, который должен сидеть тут, он объяснит ему ситуацию и договорится. Спустя какое-то время подошла девушка и указала, что Назар сидит на её месте. Он, как и хотел, объяснил ей ситуацию и сказал:

– Вы, пожалуйста, сядьте на моё.

Девушка обернулась и замечает:

– Но там кто-то спит.

Какой-то парнишка разлёгся на двух местах, а девушка как-то засмущалась.

– Может, я всё-таки на своё место сяду? – говорит она.

– Сейчас всё решим.

Назар поднимается и кричит:

– Слышь, а ну встал!

Парнишка поднялся, непонимающе осмотрелся вокруг.

– Всё! Проходите, – говорит Назар.

Потом Назар посмотрел на ряд сзади, поворачивается к нам и громко говорит:

– Капец, сзади идиот какой-то сидит.

Я и Саламандр посмотрели назад на «идиота», видим полный непонимания и недоумения взгляд и говорим:

– Он походу из Казахстана.

– А да? – начинает смеяться Назар. – Да всё равно идиот какой-то.

Весь полёт мы втроём гоготали на весь самолёт. Иногда даже люди рядом просили нас успокоиться, мы извинялись, затихали на какое-то время и начинали ржать снова. Вспоминали, что с нами за этот год происходило. Спрашивается – зачем? Ведь все эти истории мы проживали вместе. Но вспомнить это ещё раз было смешно.

Особенно нас веселила тема особенностей акцента Индейца.

…

Приземлившись в Нур-Султане, мы познакомились с родственниками Джонни, и они его забрали. Ламара тоже забрали родители – мы вообще из одного города, но пока мы были в Китае, его родители переехали в столицу. Джонни тоже забрали родственники, а мы втроём отправились на квартиру. Помню, что поели в столовой какой-то и увидели там пьяных. На протяжении прошедшего года мы-то часто были пьяными в общественных местах.

Было удивительно, что тут уже говорят по-русски, а мы на кассе по привычке обращались по-китайски и везде искали QR-коды для оплаты.

Саламандр собирался привести на квартиру девицу, с которой общался эти месяцы. Поев, мы отправились в супермаркет, хотели купить пива. Но в Казахстане запросили документы, а так как нам не было 21, мы обломались. Ещё Саламандр всё искал детское питание, говорил, что девушки его обожают. Я тогда подумал, что большего бреда я давно не слышал.

Мы с Назаром пришли на квартиру, немного расслабились, наконец помылись после долгой дороги. Саламандр нам написал, чтобы мы сидели тихо в гостиной, чтобы не смущать его даму, а мы и не были против – просто хотелось полежать в тишине.

Мы слышали, как они пришли, но в один момент отрубился интернет. Нам пришлось выйти в прихожую к роутеру. Пока перезапускали его, Назар зачем-то понюхал кроссовок этой дамы и сказал:

– Капец, у неё ноги воняют.

Мы от сего факта сильно рассмеялись. Мне-то больше было смешно от того, что он вообще это сделал.

Где-то через час дама ушла, а Саламандр сказал, что она услышала наше ржание и смутилась, так что ничего не вышло.

Следующим днём я выехал на вокзал и заметил, что забыл в квартире накладку на очки. Эта тёмная накладка лёгким движением руки обычные очки для зрения превращает в солнцезащитные. Я написал Назару, чтобы он их забрал с собой и потом уже отдаст при встрече.

Снова я увидел наши родные поезда – голубые вагоны. Почувствовал этот запах купейного вагона. Первые часы в дороге я смотрел в окно, любовался родными видами. Запомнил проводницу – молодую девушку с пышными формами и очень красивым лицом. Она была сначала в форме ЖД, потом уже переоделась в более удобную одежду – и в обоих нарядах она была красива. На бейджике было написано «Марина». Я глаз от неё оторвать не мог, что мне та немка из аэропорта, к которой я не подошёл. Всё-таки в нашей стране такие красивые девушки, думал тогда я.

Забегая наперёд – я за эти годы прочувствовал романтику поездов. Я всегда первые часы пути любуюсь в окно. В будущем, когда я буду уже учиться в Турции, эти смешанные чувства будут сильнее. Поезд увозил меня в ад – я тихо плакал, глядя в окно, думал: ещё целый год я не увижу всего этого, ещё столько предстоит пережить. Поезд привозил меня домой – и снова я глядел в окно и думал: неужели я дожил, я вижу родные рельсы, леса и поля.

Но в 2019 году эти чувства ещё не так сильно кипели – я всё думал, что забыл накладку очков.

Мои вторые первые каникулы

Я честно не очень помню, как прошло то лето, – только какие-то отдельные отрывки. В первый день я встретился со своей одноклассницей – она сказала, что за год я возмужал. Потом сразу же встретился со своим лучшим другом. Я успел по нему сильно соскучиться, но мы, как мужчины, скромно пожали друг другу руки при встрече. Они меня всё расспрашивали, как там было. Но мне тоже было интересно, что они за этот год пережили – ведь они тоже студенты, у них тоже новая жизнь.

В тот день был дождь, и мама не хотела меня отпускать, но я не мог сидеть дома – надо успеть до вечера с ними встретиться, потому что на вечер запланировано важное дело, а именно – поход в баню вместе с папой.

Это уже превратилось в традицию – в первый день моего возвращения идти в баню. В бане лучше смывается грязь, налипшая за тяжёлый год. После этого ритуала по-настоящему чувствуешь, что ты дома.

Когда я лёг в свою кровать, было странное чувство, что будто никуда и не уезжал, будто Китай мне просто приснился. Опять-таки, забегая наперёд, скажу, что это чувство зеркальное. Я помню, когда вернулся на третий курс в Турцию, вышел по делам, и мой взгляд остановился на их флаге. Их флаги там повсюду. И я думал, что дом мне приснился, а я тут.

Потом были долгие походы по родственникам – и в городе, и в деревнях. Всем было интересно на меня посмотреть. Бабушке я купил цветок в горшке – не знаю названия, плохо разбираюсь в цветах. Но бабушки уже пару лет нет, а цветок всё стоит на подоконнике и по весне цветёт.

Они у меня всё расспрашивали: какие они – китайцы? Враги они нам или друзья?

– Не знаю, – честно отвечал я. – Просто мы жили отдельно от них. Я могу рассказать об украинцах, о таджиках, но о китайцах толком не могу.

Тем летом я познакомился с девушкой. Я просто взял позвонить с её телефона, маякнул другу – и так у меня появился её номер. Но дальше как-то особо не пошло.

Потом встретился с девушкой, с которой долгие месяцы переписывался. Вообще у многих там были девушки, так сказать, с «гражданки» – чтобы было с кем встретиться на каникулах. Вот, например, у Саламандра – девушка с вонючими ногами, у меня же – Настя. На первое свидание я сильно опоздал, она уже собиралась уходить, а я всё писал: «Ща, ща, ща секундочку. Я уже подхожу». Уже и не помню, чего опоздал. Но и с ней отношения не сложились. Она сказала:

– Ты учишься там, а я в Тюмени. Как мы будем на таком большом расстоянии?

Но в Китай я уже возвращался не «мальчиком» и мог утереть нос Назару. Весь первый год он подкалывал меня на эту тему, но я-то, в отличие от него, любовь не покупал.

И снова здравствуйте!

Собирался в обратную дорогу я в приятном возбуждении – за два месяца успел соскучиться по друзьям и той самостоятельной жизни. Мама даже как-то расстроилась, что я с радостью уезжаю.

С папой мы доехали до Нур-Султана на поезде. Он любит всегда ехать со мной, но в один момент это станет невыносимо – этот момент я раскрою позже, спустя шесть лет.

В аэропорту снова со смехом встретились с Назаром, Ламаром и Джонни. Назар передал мою накладку на очки, но я уже был в новых, более стильных очках с таким же механизмом. В аэропорту встретился ещё Рыжий, с которым я весь первый год просидел за одной партой.

В самолёт сели, взлетели. В этот раз я предпочёл пересесть назад, на пустой ряд, и развалиться на нём, но в какой-то момент рядом подсел Рыжий. Пока мы говорили, стали разносить еду и напитки. Стюардесса предложила выпить вина, и мы с радостью махнули, потом ещё и ещё. Когда вино закончилось, перешли на пиво. Кстати, то пиво в самолёте было очень мягкое – я его потом пытался найти в магазинах, но, видимо, это пиво только для самолётов.

Я тогда не знал, что в воздухе алкоголь бьёт сильнее, чем на земле, и поэтому в Пекин я приземлился никакой, а ещё надо было пройти паспортный контроль.

В очереди перед металлодетекторами одна пухленькая девушка вылила целую флягу воды в мусорку.

– Капец пить хочется. Вот дура! – заметил я.

Передо мной стоял Ламар, а перед ним уже эта девушка. Ламар поворачивается ко мне и говорит:

– У неё российский паспорт, и она тебя слышит.

– Но пить-то хочется, – ответил я.

В самолёте до Нанкина Рыжего я к себе уже не подпускал.

Снова комфортный автобус, снова остановка на полпути – попить, поесть. Снова мы вчетвером говорим о какой-то чепухе и оказывается, мы уже приехали в общагу.

В общаге стоял запах сырости – оказывается, мы забыли открыть окна перед отъездом. Было чувство, что мы – жители Припяти, которые вернулись в свои дома, потому что всё было так, как мы оставили. Даже некий мусор на столе и немытая посуда. Правда, от этой влажности заплесневели наши матрацы и одеяла. Благо, одежду так не задело – её мы просто помыли, а матрацы выкинули. Пришлось первую ночь стелить под низ куртки, чтобы на деревяшках спать было не больно.

Моя первая профессия

У нас было время определиться с профессией. Я полистал на досуге списки специальностей, и больше всего меня заинтересовал дизайн интерьеров. «Больше заинтересовал» – не значит, что я об этом мечтал. Вообще всегда меня тянуло туда, где можно поболтать, о чём-то подумать, что-то придумать. Мне всегда казалась интересной жизнь телевизионщика или радиоведущего. Но в китайском ПТУ были более приземлённые профессии. Я тогда рассуждал так: ну, дома всегда будут строиться, поэтому работа будет. Но документы именно туда я подавать не торопился – решил посоветоваться с человеком, которому доверяю, который сможет со стороны на это посмотреть. Я пошёл на разговор к Конг Мин Мин.

Она мне посоветовала не торопиться с выбором, так как группу для иностранцев по этой специальности скорее всего не откроют. А учиться с китайцами она мне не советовала. Сказала, что я люблю подходить к вопросам с неожиданной стороны, а китайцы так не делают – китайцы больше любят правила. Мне будет с ними тесно, а им со мной – некомфортно.

Вечером я расспросил ребят. Джонни и Назар решили пойти на «Международный бизнес».

«Что это за шляпа?» – тогда подумал я.

Индеец шёл на «Логистику».

А Ламар – на «Гостиничный менеджмент». Почему именно туда, он не знал, сказал, что его учительница ему посоветовала.

Но я тогда подумал: «Отель звучит более-менее. В отелях интересно, курорты и все дела». На следующий день я подал документы на «Гостиничный менеджмент» и тем же вечером посмотрел фильм «Отель Гранд Будапешт», чтобы вообще понять, что это за профессия такая. Спустя пару месяцев я прочитал роман Артура Хейли «Отель» и посчитал, что я не ошибся с выбором.

Сбил тебя наш лётчик Ли Си Цын

Вьетнамцев мы впервые увидели в сентябре, на втором курсе. С виду вроде китайцы, но шастают по нашему общежитию. Однажды в лифте подошёл ко мне один из них и заговорил на плохом английском, предложив добавить его в друзья в «Вичате». Ну я добавил – не сложно ведь. Вечером он писал мне на китайском, а функция автоперевода выдавала текст: «Хочешь поиграть?».

Вопросов возникало очень много, ибо «поиграть» – понятие очень обширное. Что он конкретно имеет в виду?

Потом в тексте стала фигурировать стиральная машинка.

Нам стиральные машинки установили в конце первого курса – поставили на балконах в каждой комнате. Оказывается, кто-то из наших завалил руководство просьбами установить их, ибо стираться в общежитии у китайцев неудобно. Меня раньше это не особо парило, но всё же когда у тебя на балконе стиральная машинка – это удобнее. Стирка стоила те же 4 юаня, что и в общежитии китайцев, но нужно было заранее закинуть деньги на счёт. Как-то так получилось, что эту стиральную машинку на себя зарегистрировал я, и только я мог пополнять счёт и включать её через телефон. Обычно все в комнате просто закидывали мне по 20 юаней, но чуть ли не каждый вечер дёргали меня с просьбой включить её – особенно это им нравилось, когда я куда-то уходил.

Вьетнамец написал: «Я хочу, чтобы ты поиграл с моей стиральной машинкой».

И либо он извращенец, и я что-то не понимаю, либо переводчик выдал такой корявый текст, и им нужна помощь с подключением стиральной машинки. Я туда шёл с надеждой, что второе, но на всякий случай взял с собой и Назара. Он сначала не хотел идти, но я аргументировал тем, что на вьетнамцев посмотреть интереснее, чем на француза. О французе – как-нибудь позже.

Пришли мы туда и почувствовали себя Гулливерами. Вьетнамцы действительно маленькие, но очень шумные, и Назар принял решение бежать оттуда, как американец. Сама особенность их языка такая – там очень много взрывных звуков, но у человека непривыкшего голова начинает пухнуть.

Я подключил ему машинку, за первую стирку закинул им со своих денег, и они начали вскидывать руки, громко радоваться и обнимать меня. Один из них дал мне 2000 донгов – красивая такая купюра, я же решил сделать ответный жест и подарил ему монету в 100 тенге.

– Ну, машинку я вам подключил, так что я пойду, – сказал я.

Но они меня категорически не собирались отпускать – силой усадили за стол и стали выносить всё, что у них было. Поставили на стол чай, пиво, хлеб, сахар, налили какой-то суп, один парнишка побежал в соседнюю комнату за шоколадом. Я, приличия ради, поел немного супа, но очень он был острый.

Говорить с ними было трудно – они не знали английского, я не знал вьетнамского, но как-то жестами объяснялись. Там сидели и девчонки, а одна из них, как-то стесняясь, на меня поглядывала и что-то шепнула парню, который со мной говорил. Тот сказал, что я ей понравился.

– Если ты пойдёшь с ней на свидание, то нужно дождаться, когда её мама, папа, сестра и брат сюда приедут.

– Зачем это?

Оказывается, у них принято ходить на свидания толпой – брать всю семью. Или, по крайней мере, раньше так было принято, я не очень понял, но сказал, что у меня уже есть подружка.

Когда я уходил, они мне ещё дали цветок в горшке и ожерелье из бус. А я всего лишь машинку им подключил.

Про особенности речи Индейца и про Шайтанов

Я уже упоминал, что Индеец на любом языке рычит. Ещё рассказывал, что мы часто его не понимали. Слушать его было сродни предугадывать, что говорит заика. Но если с заикой понятно:

– П-п-п.

– Привет.

– Па-па-па.

– Пока.

То с Индейцем нужно было додумывать, что он хочет сказать.

Например, он мог прийти взволнованный и рассказывать:

– Пацаны, я это… ну… воду видел.

– В смысле, воду? – спрашиваем мы.

– Ну там… это… вода.

– В смысле, в бассейн ходил?

– Нэт.

– В баню?

– Нэт.

– К океану ездил?

– Нэт. Ну там… вода короче… течёт.

– Питьевой кран?

– Нэт, – ещё и обзывает матом на букву «Д».

– Слышь, Индеец, пошёл ты. Вообще посрать, где ты там был.

И он уходит, но через минут пять возвращается.

– А, это… вспомнил, пацаны… фонтан. Только туда ещё деньги надо. Зачем деньги?

– Ну, чтобы желание сбылось.

– Как желание?

– Ну, ты бросаешь монетку и загадываешь желание.

– А зачем?

Я помню отчётливо пару примеров того, как он говорил. Во-первых, нужно рассказать о примере различий диалектов и использования слов в казахском. Однажды он мне говорит:

– Я это… сым купил.

«Сым» – это по-казахски «проволока». Я ломаю голову: нахрена ему проволока?

– Ну, чтобы носить, – отвечает он.

Я начинаю не понимать ещё больше.

– Как носить? В смысле, может, ты что-то смотать хочешь?

– Нэт, носить.

– Где носить?

– На ногах.

И я тут думаю: очередной какой-то бред, может, он опять что-то не так понял или опять не может объяснить. В итоге он мне показывает новенькие штаны.

Я говорю:

– Это же не сым, это шалбар.

«Шалбар» – это штаны, ну я же не тупой, одиннадцать лет всё-таки в школе учился.

А он меня в очередной раз называет словом на букву «Д». Оказывается, на юге штаны называют «сымом», а на севере – «шалбаром».

Примеры его выражений:

– Ты этот шортик где брал? – то бишь «шорты».

– Назар, ты трусик помил? – то бишь «трусы помыл» – замечание на то, что Назар постирал в машинке одну пару трусов.

Самое сильное, над чем мы смеялись, – это то, как он называл уйгурскую забегаловку, в которую мы время от времени любили заезжать:

– Мы в ойгорку пойдём?

Там же, в «ойгорке», он однажды говорит:

– Пацаны, уйгурский же на казахский похож, – и давай официанту озвучивать заказ на казахском языке.

Официант посмотрел на Индейца, потом окинул взглядом нас.

– Я вообще ничего не понял. Чего он хочет? – говорит официант, и мы уже сказали всё по-китайски.

Официант ушёл, а Индеец вскакивает и орёт официанту на казахском:

– Агай, ещё один щащлик!

Официант просто махнул рукой и пошёл дальше. А я что-то задумался и в себя ушёл.

– Слышь, Индеец, – говорю потом я, – шашлык по-казахски будет же не «шашлык».

Многие вещи, которые он не мог нам понятно объяснить, он называл «шайтаном». Однажды он одолжил у меня 200 юаней, потом через пару дней у Назара 200 юаней и так далее. В итоге он всей комнате торчал денег. Со временем мы уже стали напоминать ему про долг, он говорил «да-да, отдам», но не возвращал. Как-то вечером мы уже решительно требовали денег – и чтобы до завтра они были. Он признался, что денег у него нет, но нам от этого не легче. Ламар ему сказал, чтобы он отцу писал. Мы у него спрашиваем: куда он вообще деньги потратил? А он не говорит.

Следующим утром я спрашиваю, написал ли он. Он говорит, что да. Я говорю:

– А ну покажи, – чтобы быть уверенным, что он действительно написал.

Он написал что-то вроде:

«Шайтан с огнями украл деньги пацанов».

– Ты что за херню понаписал? – спрашиваю я. – Ты нормально можешь написать?

Но он заверил, что по-другому отец просто не вышлет.

Вечером он деньги вернул. Потом уже спустя время до нас дошла история, что узбеки его повели в игровые автоматы, и он проигрался.

О дедовщине

Я учился в кадетском корпусе, и дедовщина там носила скорее традиционный характер. Прошли те времена, когда старшие кошмарили младших просто так. Я пришёл в корпус в восьмом классе, но товарищи рассказывали, что раньше, когда они только пришли туда в пятом классе, всё было хуже. В моё же время это часто проявлялось так: заходишь ты в столовую, но в очереди стоять не хочешь – тогда ты подходишь к щеглу и говоришь:

– Возьми мне первое, пирожок и чай.

Даёшь ему денег на пару копеек больше, чтобы он и себе чай купил.

Но иногда бывали и неприятные ситуации. Младшему очень легко задеть эго старшего – и у второго быстро глаза мылятся. Бывало, что били или наказывали перед строем. Я лично однажды заставил младшего отжиматься в грязи за то, что тот в строю болтал. Я ему раз: «Разговоры в строю!» – второй раз, а он всё болтает, в третий уже последовало наказание.

Потом вспомнился такой случай: младшего брата нашей одноклассницы задирали ребята с его класса. Она меня и ещё одного парня попросила припугнуть их, сказать, чтобы её брата не трогали. Нам, честно, эта идея не понравилась, мы ей пытались объяснить, что если мы к ним придём и скажем перед строем:

– Этого мальчишку не обижайте.

То ему в тот же час устроят тёмную. Но одноклассница стояла на своём – ну мы и пошли, нам не сложно.

Мы их построили, наехали и сказали:

– Этого мальчишку не обижайте.

Потом всё произошло так, как мы и говорили. Поэтому я вообще никогда не вмешивался в дела и конфликты моего младшего брата – он сам учился со всем справляться.

Проявления дедовщины в той или иной степени были везде. Например, на секции – временами жёстче, временами мягче. Также я слышал, что она есть и в общежитиях институтов и университетов, и поэтому перед отъездом настраивался на великий бой.

Но реальность оказалась иной.

Когда мы только приехали, из общаги повылазили старшие, чтобы на нас поглядеть – а дело было ночью. Пока мы ждали, когда нам выдадут ключи и матрацы, старшие подходили и интересовались, из каких городов мы приехали. Каждый хотел найти своего земляка. Моих земляков из старших не было, поэтому ко мне и Ламару особого интереса не проявляли. А к Джонни подвалили таджики, сразу увидели в нём своего, но поговорить им не удалось – оказывается, в Таджикистане куча диалектов.

Первые дни старшие сами подходили с предложением показать округу или ответить на интересующие вопросы. Единственное – они всё время пытались клянчить то, что мы привезли с собой, особенно продукты, сигареты.

На протяжении первых дней нашим проводником был Саламандр. Он нам всё показал, всё рассказал и дал нетипичный совет:

– Вы только сразу начинайте хорошо учиться – тогда тут не пропадёте.

Вообще, не помню конфликтов между старшими и первашами в период первого года нашего пребывания.

Но когда мы стали второкурсниками, то тоже сразу вываливали на улицу, когда приезжали новенькие, тоже кричали названия своих городов. К сожалению, моих земляков среди новеньких не было. И мы тоже клянчили у них всякое, особенно продукты, сигареты.

В одну из ночей приехали новенькие из России. Мы с Назаром вышли на улицу поглядеть на них, стояли в сторонке и каждого обсуждали: как выглядит, как одет, кто из них похож

на бурого, а кто – на лоха. Выбрали двоих и подвалили к ним. У меня сразу же из рта стал вырываться армейский говор:

– Пакеты к осмотру!

В итоге забрали у них какие-то шоколадки, вафли.

Потом к нам подошли ещё двое, спросили, где можно купить сигарет.

– Нигде, – отвечаем мы. – Ночь на дворе, магазины закрыты.

– Просто сигарет китайских хотели попробовать. У вас не будет?

Мы с Назаром переглядели и заулыбались.

– Конечно будет. Бери!

Когда он тянул руку, мы сигареты убрали.

– А ты нам что?

– А что хотите?

– А что есть?

– Ну не знаю, – канючит один.

– Давай ты нам пачку российских сигарет, а мы тебе пачку китайских.

– Не, не равномерный обмен, – перебивает меня Назар. – Три пачки российских на пачку китайских меняем. Тут сигареты дорогие, сам поймёшь.

Они с радостью согласились, ещё в добавок какого-то шоколада нам дали.

Прикол в том, что заграничные сигареты и заграничные продукты ценились больше, чем китайские – но новенькие этого ещё не знают, и поэтому второй и третий курс сразу же пытаются как можно больше наменять всякого у вновь прибывших.

– Ну чё, нравятся сигареты? – улыбаемся мы новеньким, но по их лицам видно, что они поняли, что только что их развели.

Потом я заметил девушку, которая стояла отдельно от всех, предложил помочь с чемоданом. Оказывается, она за год до этого училась в другом регионе и со стороны наблюдала, как мы развели этих новеньких. Её это позабавило.

Спустя час мне написала бывшая, спросила, хочу ли я посмеяться. Посмеяться я хотел всегда, и поэтому мы с Назаром пришли к ней.

В её комнату подселили трёх новеньких девочек из России. Когда мы вошли в комнату, то заметили, как одна толстенькая с чемоданом вышла в коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.